
18+
ПОД МАСКОЙ
Анны
ХЕЛЕН ДО

Хелен До

Под маской Анны

«Издательские решения»

До Х.

Под маской Анны / Х. До — «Издательские решения»,

Пять лет назад моя жизнь перевернулась с ног на голову, и теперь я — инструмент в чужих руках. В руках человека, который научил меня контролировать, манипулировать и мстить по заказу.Когда я возвращаюсь в Москву под именем Анны, чтобы выполнить свое последнее задание, передо мной возникает Кирилл — мужчина, который некогда был всем моим миром. Теперь он — мой самый опасный враг.Каждое мое решение — шаг к разрушению чужой жизни и спасению собственной души.Что ж, игра начинается…

© До Х.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Перед ударом 6
Вместо Пролога. Шары для папочки 8
Вместо Пролога 2. Человек из ниоткуда 10
Воспоминания. Часть 1. Прилет 12
Воспоминания. Часть 2. Метаморфозы 14
Воспоминания. Часть 3. Первая проверка 16
Воспоминания. Часть 4. Стихи на арабском 20
Воспоминания. Часть 5. Конспиративная квартира 23
Воспоминания. Часть 6. Папка в кожаном переплете 25
Воспоминания. Часть 7. Подготовка 28
Воспоминания. Часть 8. Знакомство 31
Воспоминания. Часть 9. «Случайный» лист 33
Воспоминания. Часть 10. Ты справишься! 35
Воспоминания. Часть 11. Первая встреча 38
Воспоминания. Часть 12. Звонок 42
Воспоминания. Часть 13. Жучок 45
Воспоминания. Часть 14. Пропуск 49
Воспоминания. Часть 15. Рабочая встреча 53
Воспоминания. Часть 16. Совсем немного личного 56
Воспоминания. Часть 17. Еще одна переменная 60
Воспоминания. Часть 18. Ужин 65
Воспоминания. Часть 19. Чужая семья 72
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Под маской Анны

Хелен До

© Хелен До, 2026

ISBN 978-5-0071-6854-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Перед ударом

Я сижу в дорогом, неприметном авто. Салон пахнет кожей, полиролью и обреченностью. Я смотрю на своё отражение в зеркале заднего вида. Чужое лицо. Чужие карие глаза. Тёмные, почти чёрные волосы. Даже выражение — и то не моё. Спокойное. Холодное. Собранное. Такое, каким удобно уничтожать людей.

Город за окном живет своей жизнью. Сумерки опускаются на мощеные улицы, скрывая все дневные заботы. Загорается свет в окнах. Светофоры бесстрастно мигают, машины проезжают мимо, витрины отражают вечернее небо и огни. Люди бегут по своим делам. Никто из них не знает, что совсем скоро рухнет одна очень красивая, очень дорогая и очень лживая жизнь.

Я сжимаю руль, будто ища в нем опору. Аккуратный маникюр в цвете «бордо». Дорогие, элегантные часы. Кольцо из платины без камня на безымянном пальце левой руки. Просто гладкий металл. Халид говорит, что так я выгляжу «не принадлежащей никому».

Это — часть моего образа. Образа Анны.

Анна. Я ненавижу это имя.

Оно никогда не было моим. Оно было маской. Удобной, красивой, холодной. За ней я прятала всё, что когда-то болело.

Кожа салона пахнет дорогим парфюмом и холодным металлом. Когда-то я мечтала о таких машинах. Теперь они кажутся мне лишь средством передвижения между точками чужих катастроф. Какая это будет по счету? Я сбилась после пятнадцатой.

Здесь, в этом городе миллионов огней, который никогда не спит, таких машин тысячи. Да, при желании любую из них можно найти — по многочисленным камерам, по номерам, по следам владельцев.

Но… это если знать, кого искать.

Меня найти не могут. Слишком разные связи. Слишком запутанные данные. Слишком противоречивые документы.

Халид постарался, он всегда готовил операции на двенадцать из десяти. Предугадывал все варианты, работал на несколько сценариев, имел связи и умел пользоваться ими.

Я давно не удивляюсь. Я в нём уверена. Была.

До последнего задания, до той папки, где хранилось личное дело моего любимого врага — Кирилла Сергеевича Шахова, моего Кира. И теперь я должна уничтожить его.

Я это умею, Халид учит хорошо.

Но хочу ли я этого? У меня нет выбора. Точнее, не было раньше. Остался последний шаг — нажать на кнопку и отправить все это в «мир». Отступать некуда. Все готово — документы собраны, журналисты подкуплены, скандальные блогеры, словно шакалы, учуявшие падаль, готовы разнести новости по свету. Есть его признания, есть наши фото, есть коррупционные схемы.

Но теперь кое-что изменилось.

И, как бы не закончился сегодняшний вечер, для начала я сорву маску. Чтобы Кирилл узнал, кто уничтожил его жизнь. Чтобы он вспомнил. Не меня — не Анну. А ту смешную, наивную девчонку. Ту глупую, влюблённую до одури Арину. Ту, которая когда-то была мной. Он хитрый и опасный. Махровый эгоист, который в сущности не любит никого на свете, кроме себя. Если бы кто-то сказал мне пять лет назад, что я поеду разрушать его жизнь, я бы рассмеялась. Тогда я ещё верила в любовь. В слова. В обещания. В себя настоящую. Теперь же… Есть только задание, которое нужно выполнить.

Я выдыхаю медленно, считая до пяти.

Раз.

Два.

Три.

Руки перестают дрожать.

Телефон, будто в унисон со мной вибрирует. Сообщение от Халида: «***Ты готова?***»

Я смотрю на экран и вдруг чувствую усталость. Не физическую, а ту, которая накапливается годами. «***Да***», — отвечаю я.

И почти сразу второе сообщение: «Помни: это твой выпускной экзамен»

Я закрываю диалог и отбрасываю телефон на соседнее сидение.

Мой возлюбленный враг.

Моя боль, некогда мое счастье.

Мой экзамен на свободу.

Что ж, начнем последний акт этой чертовой пьесы!

Вместо Пролога. Шары для папочки

Весенний ветер путал её светлые волосы. Апрель в этом году выдался неожиданно тёплым. Арина, крепко держа связку шаров в руках, шла к своей машине — старенькому Пежо, про которые подшучивают в дурацких анекдотах. Но доля правды в них-таки была — машинка, купленная когда-то в кредит с первой зарплаты, выложилась по полной за несколько лет, которые Арина владела Пыжиком, и теперь регулярно ломалась.

Чего только не видела эта старая машинка! Вечеринки, девичьи слезы, волнение перед устройством на новое место работы, километры пути в маленький городок, откуда Аринка была родом и где жила ее мама, задушевные ночные разговоры с Димкой — другом детства, что жил по соседству с родительницей на одной лестничной клетке.

Но, оказывается, эта машинка не видела главного. Она еще не знала, как выглядит сама растоптанная жизнь.

Арина запихнула связку шаров — красный, белых, розовых, на одном из которых золотыми буквами было выведено: «Лучшему папочке», на заднее сидение и поскорее захлопнула дверь, чтобы те не вырвались на свободу. Совсем как её новость, которая никак не могла удержаться внутри Арины, а рвалась на свободу, как клич, как ода счастью.

Уселась на водительское сиденье, с третьего раза завела Пыжика. Нет, все-таки теперь надо будет менять машинку на новую. Ведь, ей с будущим малышом обязательно нужно надежное авто, которое не подведет и будет возить Аринку и малютку по их делам, пока Кир на работе. Да, надо сказать Кириллу, он обязательно решит проблему. Он всегда все решал, он был почти богом в глазах Аринки. Кроме одного момента, который, надеялась девушка, решится прямо сегодня.

Арина глубоко вдохнула, достала из сумки тест на беременность. Две чёткие полоски смотрели на неё, как обещание. Дрожащими пальцами она сделала фото на телефон, набрала короткое сообщение: «Привет, папа» и нажала «отправить». Сейчас он выйдет с ланча, куда всегда ходил на обед и увидит ее подарок — сначала смс, а после и ее — взволнованную, растрепанную, со связкой шаров, которая носит теперь под сердцем его малыша. Почему-то Арина была уверена в том, что у них с Киром будет дочка — маленькая, светловолосая принцесса.

Через несколько секунд стеклянные двери ресторана распахнулись. Он вышел первым. В дорогом пальто, уверенный, красивый, привычно безупречный.

Ее любимый, ее Кир.

Арина поспешила выбраться из машины и достать шарики.

Внезапно она поняла, что любимый не один. Рядом с ним была жена. А следом показались два мальчугана — шумных, живых, цепляющихся за его руки. Они были слишком на него похожи, чтобы ошибиться.

Кирилл улыбался. Арина увидела его улыбку — ту самую, которую еще недавно считала только своей. Кирилл достал телефон из кармана, бросил на экран беглый настороженный взгляд. В эту же секунду улыбка исчезла с его лица.

Он посмотрел вперед и увидел старенькую машину на парковке. Связку шаров. Лицо беременной Арины, которая все еще улыбалась, готовая броситься к нему навстречу.

Он холодно впился взглядом прямо в глаза Арине. И она поняла его без слов.

«Не смей».

Без слов. Без объяснений. Только приказ. Арина застыла, переваривая увиденное.

Её пальцы разжались, и один из шаров вырвался, медленно поплыл вверх, отражая солнце, пока не стал маленькой точкой в небе.

Кирилл отвернулся, улыбнулся своей супруге, нежно поцеловал ее в висок.

— Папа, я хочу шарик. Купи его у тети. — захныкал младший ребенок. На вид ему было года четыре.

— Тетя не продает шарики, милый. Это подарок для чьего-то папы. — мягко успокоила сына женщина, отлепляясь от Кирилла. — Папа купит вам шарики, но для этого нужно поехать в торговый центр. Правда, папа?

Женщина обратилась к Киру, называя его «папой» и это слово, которое только что пробовала Аринка на вкус в машине в ожидании любимого, показалось ей горьким, как микстура.

Кир кивнул, взял хнычущего малыша за руку и повёл семью к машине. И будто вычеркнул её из своей жизни одним движением плеча.

Арина словно окаменела, не могла пошевелиться. Слишком громко хлопнули двери его тонированного Мерседеса, на котором они часто ездили в отель с работы. Этот звук резанул по ушам, разрезая пространство. Авто тронулось и укатило прочь.

Люди проходили мимо. Машины проезжали. Город жил своей обычной жизнью.

А у неё внутри что-то ломалось. Тихо, почти беззвучно.

Она отпустила шары в небо, села в машину, бросила телефон на соседнее сиденье. Руки дрожали так, что она не могла сразу вставить ключ в замок зажигания.

Слёзы катились по щекам, но она даже не вытирала их.

Просто он выбрал их. Её надежда, последняя, хрупкая улетела в небо вместе с шарами. Он предал её. Она — всего лишь любовница, которую меняют на новую, если она начинает приносить проблемы. Вот и она не вписалась в его идеальную картинку. Место было занято — красавица жена и два резвых мальчика, два сына.

Больше не было их, как пары. Теперь она была одна. Одна на целом свете. Без работы, с которой придется уйти, так как она работала в его компании. Одна против всего мира — без работы, без денег, без жилья. Только Арина и малютка под сердцем, за которую теперь лишь она несла ответственность.

Вместо Пролога 2. Человек из ниоткуда

Наревевшись в волю, Арина поняла, что нужно умыться. Доехала до ближайшей кофейни, бросила куртку на стул у крохотного столика, занимая место, и заказала латте. Пока кофе готовился, отправилась в туалет.

Оценила в зеркале масштаб ущерба. Отражение ей не понравилось. Зареванная милая мордашка, чуть вздернутый распухший нос, карие глаза, потухший взгляд и кукольные пухлые губы. Она была хороша и знала это. Но, видимо, хороша, да не для всех. Не для него. Вздохнув в отчаянии, принялась приводить себя в порядок.

Возилась минут десять, смывая растекшуюся тушь, походной расческой зачесывая светлые волосы в хвост. Мысли все ещё путались. Хотелось поговорить, наорать на Кирилла, выяснить все. Но она знала: с кем угодно, но не с ним. Устрой только она истерику — все закончится в миг. Оставалось лишь ждать. А потом просить встречи. Как будто она просила милостыню.

Он всегда был такой — расчетливый, сметливый, знающий себе цену и при этом невероятно обаятельный. Он понравился ей сразу, как только вошёл в переговорную и бросил на юную соискательницу быстрый взгляд. Она, наверное, именно тогда и влюбилась в него, утонула в его серых, цвета стали глазах. Этими невероятно красивыми глазами он сегодня смотрел и на неё, только взгляд его больше не был тёплым. Для неё, для Арины на парковке у машины его взгляд означал одно — не смей разрушать мою семью. И дело вовсе не том, что Кир любил супругу, а Арина хотела их разлучить. Он любил только свою репутацию идеального семьянина, заботливого мужа и чуткого отца. В этой цепочке не было места адюльтеру и внебрачным детям, что бы об этом не думала несчастная Арина.

Вернувшись в зал, девушка увидела, что её столик оккупирован. Спиной к ней сидел какой-то мужчина в костюме неприметного серого цвета.

Арина обошла столик и села на свой стул.

— Тут занято. — сказала она и посмотрела на собеседника.

Высокий. Спокойный. Неопределённого возраста. В руках дорогое, но неброское пальто. Будто он присел на минутку, а не зашел в кофейню выпить, не торопясь чашку кофе. Его взгляд был тёмным и внимательным — таким смотрят не на женщину, а на ситуацию.

— Вам плохо? — вместо извинений спросил он с лёгким акцентом. Арина наконец поняла, что и внешность незнакомца не европейская, скорее он был похож на араба.

Она хотела сказать «нет». Хотела быть сильной. Но голос предал её. Что-то сломалось внутри.

— Я… не знаю. — почему-то ответила она, пытаясь не плакать снова.

Он коротко кивнул, будто ожидал именно этого ответа.

— Иногда конец — это начало. Просто мы редко понимаем это сразу.

Она посмотрела на него внимательно.

— Кто вы?

— Человек, который может предложить вам выход, — спокойно сказал он. — Работу. Новую жизнь. Другие правила.

Она усмехнулась сквозь все-таки накатившие слёзы.

— Мне нечего терять.

Он наклонился чуть ближе.

— Ошибаетесь. У вас есть то, ради чего стоит бороться.

— Откуда вам знать? Вы следили за мной?

Он не стал отвечать. Уверенным движением ухоженной руки достал маленький картонный прямоугольник из визитницы и положил его на столешницу.

— Подумайте. Моё имя — Халид. Если решите узнать больше, позвоните.

Он выпрямился. Поднялся со стула, который вдруг показался Арине нелепым. Сделал шаг в сторону выхода. Тугая дверь со вздохом захлопнулась. И незнакомец с мягким певучим акцентом и восточной внешностью растворился на улице, за дверью кофейни.

Арина осталась одна. Перед ней на крошечной, повидавшей виды столешнице стоял картонный стакан с латте и лежала визитка с номером.

Она ещё не знала, что в тот момент её жизнь разделилась на «до» и «после». И это был не просто выбор. Это была точка входа в игру, из которой никогда не выходят прежними. Если вообще находят выход.

Воспоминания. Часть 1. Прилет

Рейс «Абу-Даби-Москва» прилетел в Шереметьево по расписанию.

Я потянулась, разминая затекшее тело. Да, в экономе было не так комфортно, как в бизнесе, но я никогда не летала бизнесом на задания. На отдых — да, в Штаты, чтобы продуть тысячу баксов в Вегасе или увидеть небоскребы Нью-Йорка — пожалуйста, Халид никогда не скупился.

На задания — нет. Если нужно было ехать на рикше где-нибудь в Индии или на телеге, запряженной лошадью, как тогда в Молдавии, он предпочитал комфорту сценарий и легенду.

Я усмехнулась, вспоминая ту давнюю поездку — уговорить продать перспективные виноградники влюблённому в солнце и рубиновый напиток виноградарю, который встал в позу и не хотел продавать землю ни за какие деньги.

Сейчас я понимаю: все прошлые задания были не только из-за прибыли, а еще и для того, чтобы я наработала опыт. Чтобы научилась. Халид умел учить. Он всегда объяснял на практике, учил опытом. Но всему приходит конец. Подошло время и завершить наши отношения.

И сейчас я приземлялась в Шереметьево, чтобы получить своё заключительное задание. Мой контракт, который предложил когда-то Халид зареванной девчонке за столиком в дешёвой кофейне, подходил к концу.

Пока самолет еще выруливал по взлетной полосе, подъезжая к нужному терминалу, я смотрела в окно иллюминатора и вспоминала все эти пять лет, которые провела вне Родины.

Я тогда долго не звонила Халиду. Носила визитку в кошельке, как чужую тайну. Доставала её ночью, смотрела на имя, номер и снова убирала. Пыталась убедить себя, что справлюсь сама.

Не справилась.

Беременность протекала тяжело. Из компании Кирилла пришлось уволиться сразу же. Я не могла даже представить себе, как бы ходила с ним по одним и тем же коридорам, как бы смотрела в глаза коллегам, которые давно уже шушукались у нас за спиной. В его компании я не осталась ни дня. Взяла больничный на период отработки дней перед увольнением. Помню, как бухгалтер, женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и выражением лица, будто кто-то дал ей право на снисхождение, горестно произнесла:

— Ох, и тяжело же тебе будет, девочка. Но ты сама виновата — влюбилась по уши. Только ты такая у него не первая. Любит Кирилл Сергеевич молодых и хорошеньких. Но семью никогда не бросит, даже надеяться нечего.

— Я не понимаю, о чем вы. — как могла холодно ответила я, вручая бухгалтерше свои больничный лист.

Женщина фыркнула, мол, ну-ну.

Больше на пороге «Шахов Корпорейтед» я не появлялась. Документы вместе с трудовой книжкой и всеми справками пришли по почте в родной городок ценной бандеролью.

А я пока осталась в Москве. Но так как не могла найти приличную работу, ибо просто не имела морального права обманывать нового работодателя, то и трудилась там, куда брали — в кофейне бариста, администратором в салоне красоты, а на последних сроках помогала удаленно делать проекты своей подруге Машке, с которой делила комнату в съемной квартире. Все заработанное уходило на еду и оплату жилья. И это угнетало чуть ли не больше, чем все, что случилось со мной до этого.

Я думала о том, почему именно со мной произошла такая ситуация? Ведь, я считала себя разумной и способной, но скатилась в такую шаблонную ситуацию, будто являлась героиней дешевого бульварного романа.

Мне все-таки пришлось уехать в провинциальный городок, чтобы родить и восстановиться. Когда на свет появилась дочь, я впервые в жизни почувствовала настоящий страх. Не за себя, а за неё. Я держала маленький теплый сверток на руках и понимала: отныне я не имею права быть слабой.

Забирали из роддома меня мама, соседка тётя Катя и её сын Димка. У него была машина. А еще для людей, он сыграл роль «папаши». Хотя меня мало интересовали сплетни, мама убедила меня сделать так. Чтобы хотя бы для персонала больницы я не была одинокой матерью. В тот момент я не могла сопротивляться, мне было абсолютно все равно. Поэтому в час выписки именно Димка, мой сосед и старинный друг забирал нас с Лялей из родильного дома.

Кирилл не писал, не звонил. От него пришло лишь одно сообщение сразу после нашей встречи на парковке ресторана. В нем было всего три слова — «Ты всё понимаешь».

Но я не понимала. Как можно было так поступить? Запудрить молодой дурочке мозги, возить отдыхать, обещать все богатства этого мира. И так жестоко обойтись с нею.

Однажды мне позвонила Машка, сказала, что к нам в съемную приезжал человек от Кирилла. В моей душе мелькнула надежда: вдруг он передумал и хочет вернуть меня? Но я снова ошиблась — это был, вероятно, водитель и он привез конверт с небольшой суммой. Откупные. Я поблагодарила подругу и попросила оставить эти деньги себе. Все-таки Машка выручала меня, когда я находилась в сложной ситуации.

А я была, как в ступоре ещё долгое время. Просто не могла принять, как можно взять и проигнорировать своего ребенка, откупиться банкнотами в конвертике. Интересно, это на аборт?

В тот момент мне казалось, что я его ненавижу. Хотелось отомстить. За себя и свою растоптанную любовь. За дочь, которая сейчас смотрела на меня из старой советской кроватки, еще моей, которую мать привезла с дачи и отмыла. Я не могла ничего сделать — пока жила в столице, даже денег не нажила на будущее для нас с Лялечкой. Эта безысходность, смешанная с ненавистью, разрушала меня изнутри. А еще не давал покоя заветный картонный прямоугольник с именем «Халид» и номером телефона.

И тогда я позвонила. Вышла на балкон, пока дочь спала и, набравшись смелости, позвонила по заветному номеру.

Халид ответил сразу, будто ждал. Разговор получился очень коротким. Я думала, придется объяснять, почему я звоню, пыталась рассказать о своих навыках, но он пресек всю мою нервную болтовню одной фразой.

— Через два дня встречаемся в Москве. Адрес и время сообщу дополнительно. Электронный билет на поезд придет на твою почту сегодня. Никаких вещей не бери, только смену белья. И крепко подумай, Арина. Соглашаясь, ты получаешь билет в один конец. Как минимум на какой-то срок. На какой — обсудим при встрече.

Воспоминания. Часть 2. Метаморфозы

Москва. Как давно я здесь не была. Как давно не слышала, как шумят во дворах огромные вязы и клены, как город утопает в снегу, как умывается весенними ливнями. Город, который никогда не спит. Город, который так никогда и не стал по-настоящему моим. В погоне за своей любовью, за Кириллом я не успела свыкнуться с этим городом, прочувствовать его темп, насладиться его старым центром и серыми панельками окраин. Я тогда жила только Шаховым — сначала, сгорая от любви и пытаясь быть ему самой лучшей, а потом, после разрыва я просто выживала, взращивая в себе ненависть к Кириллу.

Пять лет. Пять долгих лет. За это время я была в своей стране два раза, чтобы проведать Ляльку. И оба раза летела через Питер. Халид никогда не давал мне заданий в России. Наверное, не хотел, чтобы я даже на время почувствовала себя дома. Первое время я так скучала, так хотела вернуться, так рвалась, так плакала по ночам по дочке, по маме, по родному дому, по языку, которым можно выразить миллион эмоций, по людям. Он намеренно держал меня в рамках договора, чтобы я потеряла связь с родной страной, с языком и менталитетом. И правда, частенько теперь первым словом на ум приходило не русский термин, а английский. Это было удобно и полезно для дела и понемногу стирало мою личность. Еще чуть-чуть и я могла совсем отвыкнуть, стать человеком без родины, вечным перекати-поле. Поэтому я так обрадовалась, когда Халид объявил мне страну завершающего задания, и буквально опьянела, только самолёт коснулся земли.

Я прошла досмотр, получила свой небольшой багаж в неприметном пластиковом чемодане и вышла через зону прилета. Меня уже ждало такси.

Сам Халид должен был прилететь отдельно. Он никогда не докладывал, когда появится — раньше или позже. Пока я знала только одно: есть такси и арендована квартира где-то в районе метро Тульской. Там я узнаю следующий свой шаг. Там я получу задание, начну работать — анализировать информацию из досье, строить основной план действий и несколько запасных, и тут главное не ошибиться — выбрать второстепенных героев, через которых я подберусь к объекту. В этом Халид всегда давал свободу, и я обожала этот этап. Ты просто пьешь кофе на веранде кафе где-нибудь на Чистых прудах и смотришь на бегущих мимо людей, улыбаешься мужчинам и весеннему солнцу, а в голове кипит работа — строится схема, выявляются взаимосвязи, формируется план. Потом я рассказывала свои идеи Халиду. Он оценивал, указывал на недочеты, поправлял. Я знала, что в итоге все просчитано и он знал наперед все мои варианты, но как же мне нравилось доходить до них самой. Это создавало иллюзию выбора и самостоятельности.

Сначала я много ошибалась. Халид мягко объяснял, направлял, но, если я ленилась или была невнимательна, он наказывал. От воспоминаний об этом кожа под футболкой покрылась мурашками. О, это была отдельная глава наших взаимоотношений. В контракте говорилось о полном подчинении, но я по глупости и неопытности не заметила этого пункта. Я думала, он касался лишь работы, но как же я ошибалась. Однако, об этом как-нибудь потом.

Первые месяцы были как школа выживания: каждое утро начиналось с распорядка, который ломал меня изнутри — ранний подъем, ведение дневника эмоций, фиксирование каждой реакции, каждого слова, каждого дрожания собственного голоса. Я училась читать людей, угадывать их желания и слабости. Потом обучение: логика, языки, выстраивание коммуникаций, основы НЛП. Информации было так много, что по первости я падала вечером без сил, забывая не то, что думать о чем-то постороннем, но иногда и о том, как меня зовут.

Потом началась отработка теории в полевых условиях. Среди заданий, которые доверил мне Халид было много разных — всех и не упомнишь. Одно из самых простых — встретиться с владельцем небольшого стартапа, подружиться, узнать его планы, а потом убедить продать

компанию. Я помнила, как Халид наблюдал за мной через скрытую камеру и спокойно замечал в наушник: «Ты слишком мягкая. Он почувствовал твой страх, а значит, уважения точно не будет».

Халид наблюдал за всем: его критика была мгновенной, но без крика, только холодным взглядом и тоном, который не оставлял сомнений: «Ты не из слабых, Анна». И я верила ему. Я выполняла все его прихоти: иногда садилась за стол с партнёрами под видом секретаря, чтобы ловить тайные переговоры; иногда — маскировалась под курьера, чтобы доставить информацию без свидетелей. Каждое действие было уроком, каждый шаг — проверкой моих нервов и умения контролировать страх.

Вспоминая все это, я пришла к выводу, что эти годы на самом деле сделали меня другой. Я научилась скрывать эмоции, подавлять внутреннюю боль, прятать собственные слабости под холодной маской. Я стала Анной, и эта Анна была создана для того, чтобы управлять чужими судьбами, не оставляя себе ни одного шанса даже на самую крохотную жалость.

Халид никогда не взращивал во мне желание отмстить Кириллу. Я преуспела в этом сама, когда вела внутренние монологи и представляла тот час, когда мы столкнемся вновь. Мне будет, что предъявить ему. И тогда он узнает наконец, кого потерял и чего лишился. Однако все это было в моей голове какой-то фантазией, будто отдушиной, чтобы не утонуть в своей боли и отчаянной тоске по дочери. Халид никогда не ограничивал моей общение с мамой и Лялечкой, мы общались ежедневно по видео связи, но как же этого было мало!

Единственный вопрос, на который я так и не нашла ответа, почему Халид выбрал именно меня? Но я чувствовала, что всему свое время и я обязательно узнаю, почему все случилось именно так, а не иначе.

Воспоминания. Часть 3. Первая проверка

Спустя несколько месяцев занятий и тренингов, Халид позвал меня к себе. Старый слуга на плохом английском велел идти в кабинет к хозяину. Эти визиты не несли ничего хорошего для меня. Обычно это были мини-опросы на усвоение материла. Я поражалась, как хорошо Халид эрудирован. Он знал все, о чем рассказывали мне его лекторы, знал языки и разбирался в человеческой психологии на высшем уровне — читал людей как открытые книги. Мне до него было, как до Луны. В кабинете хозяина меня всегда ждало чувство неполноценности, как будто я могла бы больше — выучить, усвоить, знать, добиться. Он не унижал меня никогда, но одного наклона головы хватало, чтобы понять, доволен ли он мною.

Вот и тогда я шла, не зная, чего ожидать: на какие вопросы придется ответить, какими знаниями блеснуть? Однако, в дорогом, отделанном ценными породами дерева кабинете, меня ждало нечто другое и от этого мои брови удивленно поползли на лоб.

Халид сказал это так, будто просил принести стакан воды.

— Ты пойдёшь в торговый центр и возьмёшь кольцо. Любое, из ювелирного отдела.

Я не сразу поняла смысл слов. Растерянно заморгала, пытаясь переварить услышанное.

— Ты хочешь, чтобы я украла? — переспросила я, будто не веря своим ушам.

Он поднял взгляд от ноутбука, в который смотрел, когда я вошла в его покои.

Спокойный, холодный, даже циничный взгляд. И ответил, будто просил сходить за хлебом и не видел в этом ничего такого.

— Да.

Воздух в зале будто стал более плотным, давящим, душным. Как будто стены кабинета сдвинулись и сжались вокруг меня, как невидимые оковы.

— Это проверка, — добавил он также холодно. — Я должен понять, на что ты способна.

Я ошеломленно молчала.

В ОАЭ за воровство не читали нотаций. Здесь за кражу можно было получить по полной, а хищная улыбка охранника легко становилась последним мирным лицом, которое ты видишь.

— Я не воровка, — сказала я тихо, и голос мой ожидаемо дрогнул.

Халид усмехнулся.

— Ты — выжившая. А это важнее.

Он встал из-за стола, обошел его и подошёл ближе ко мне.

— Ты потеряла всё, Арина. Мужчину, любовь, семью, дом. Осталось только одно решение: понять, кем ты станешь дальше?

Он протянул мне карту торгового центра. Обыкновенную, бумажную карту, свернутую в виде проспекта. Такие обычно лежат целыми стопками на любой стойке информации.

Я судорожно сглотнула, внутренне уже приняв решение. И разве был у меня выбор?

— Даю тебе два часа. По истечении этого срока кольцо должна быть в этом кабинете. По дороге подумай, как ты будешь действовать.

***

Дорога до молла показалась бесконечной. Такси ехало по идеальным дорогам, за окном мелькали искусственно высаженные пальмы, жара плавила стеклянные башни, на билбордах мелькала реклама, обещающая люкс и счастье.

А у меня мелко дрожали руки. Я всё время сглатывала. Во рту было сухо, будто я наелась песка.

«Я не смогу, я не сделаю этого», — повторяла я себе. Но тут же уже другая мысль звучала громче той, первой: «Ты уже сделала хуже. Ты продала себя страху». Больше я не думала, запретила самой себе рассуждать. Теперь я просто боялась.

В торговом центре было прохладно и очень красиво. Белый мрамор, которым отделаны стены. Золото в отделке и деталях. Тихая ненавязчивая музыка, которая навевало фальшивое спокойствие. Запах тяжелых дорогих духов, которые так любили представительницы этого мира.

Я шла по галерее медленно, будто просто гуляла. Заинтересованно смотрела в витрины магазинов, будто меня волновали тряпки, там выставленные. Но сердце било в виски.

Ювелирный отдел был открыт со трех сторон. Стеклянные витрины. Камеры под потолком. Продавщицы, как статуи греческих богинь — одетые с иголочки, с идеальной осанкой и фальшивыми улыбками.

Я вошла в павильон и с показным интересом уставилась на витрину. Поискала глазами секцию с кольцами и остановилась у нее. Ноги не слушались. В какой-то момент мне показалось, что я сейчас рухну на негнущихся ногах прямо тут, у натертой до блеска сияющей подсветкой витрины.

Я смотрела на кольца, а они будто смотрели на меня в ответ. Смотрели холодно и осуждающе.

«Развернись и уходи, — кричал разум. — ты не можешь взять его, не должна!» Но внутри вдруг созрела уверенность, что я наоборот должна. Должна справиться. Или хотя бы попробовать.

Но я подалась корпусом вперед, привлекая внимание консультанта. Продавщица улыбнулась и спросила по-английски:

— Can I help you? *

Мой голос дрогнул, выговаривая фразу в ответ.

— I want to see this one. *

Я указала на кольцо с прозрачным камнем. Не слишком дорогое, но заметное. Девушка достала его и положила на бархатную подушечку передо мной.

— Мне нравится еще вот это, вон то. И вот это достаньте, пожалуйста. — попросила я показать кольца из разных частей витрины.

Продавец, дружелюбно улыбаясь, доставала украшения, не сводя глаз с тех колец, что уже достала. Ей осталось вынуть последнее украшение. В этот миг мне показалось, что я так и не поймаю нужный момент, что все зря. Сейчас я примерю все кольца и отправлюсь восвояси ни с чем. И тут я поняла, что нужно сделать. Это было словно вспышка, секунда, и я поняла, как развернуть ситуацию в свою сторону.

— Можно примерить? — спросила я, улыбнувшись мимолетно и показав на кольцо с изумрудом.

Она кивнула, подвинула мне первую подушечку и наклонилась за салфеткой.

Я поняла: если не сейчас — то никогда. Именно тогда я и сделала это. Руки двигались сами. Одним неловким движением, которое вышло на удивление натурально, я уронила подушечку на пол.

— Oh, sorry! *

Вышколенный продавец тут же наклонился помочь. В этот момент я ловко зажала тоненькое кольцо с почти прозрачным камешком между пальцами и скользнула рукой вдоль сумки, где был открыта молния.

Секунда. Две. Но мир не рухнул.

Я почувствовала, как сердце почти вырвалось из груди.

Продавщица подняла подушечку и кольцо с изумрудом:

— Всё в порядке?

— Да… простите… я сегодня рассеянная.

Я улыбнулась фальшиво, немного растерянно и посмотрела прямо в глаза. И от этого сделалась невероятно мерзко. Консультант подвинула мне кольцо с изумрудом.

— Примерите? Изумруд очень идет к вашему типу внешности.

— Правда? — спросила я удивленно, и поскорее надела колечко на безымянный палец. Я знала, что оно будет велико, именно поэтому не стала мерить на средний.

— О, оно велико. Есть ли у вас размер поменьше? — спросила я разочарованно.

— Конечно, я сейчас принесу, только уберу эти кольца. — протянула продавщица.

Пора было уносить ноги.

— Вы знаете, — прошептала я извиняющимся тоном, глядя ей прямо в глаза. — Я не могу его купить. Это слишком дорого для меня. Жених обещал сделать мне подарок, но без него это невозможно.

Я улыбнулась с грустью и услышала в ответ слова поддержки:

— Тогда вам следует привести его к нам, мисс. Остальное мы сделаем сами.

Я хихикнула в ответ и кивнула.

— Тогда я пойду. Мне еще нужно уговорить Саида.

Продавщица улыбалась, будто позабыв о контроле.

— Конечно. Я буду ждать вас здесь.

Я кивнула и поскорее вышла. Шла быстро. Потом ещё быстрее. Вырулив из ювелирного отдела, я припустила, что есть духу, пытаясь сохранить видимость спокойного, просто быстрого шага. В любую секунду меня могли окликнуть и начать преследование. Сердце колотилось как бешеное, адреналин бил по венам. Я смогла! Смогла! Мне казалось, что каждый охранник смотрит прямо в глаза, чувствует, что я несу вещь, которая мне не принадлежала. Представлялось, что каждая камера поворачивается вслед, запоминая мою внешность. Пол под ногами стал слишком громким. А мои шаги, должно быть, слышит каждый посетитель торгового центра.

Наконец я вышла на улицу. Горячий воздух ударил в лицо. И только тогда я поняла, что дышу прерывисто, как после бега. Я остановилась за углом, где уже ждала машина. Села торопливо и украдкой достала кольцо. Оно лежало на ладони — маленькое, холодное, преломляя свет. Оно было тяжёлым, но не своим весом, а своей сутью. Я впервые переступила черту. И назад дороги уже не было.

***

В апартаментах Халида как всегда было тихо. Он сидел в кресле и пил кофе. Меня всегда удивляло, как такой огромный сильный мужчина может так изящно пить из тончайшей крохотной чашки. Перед хозяином стоял ноутбук, в который он внимательно смотрел.

Я подошла к столу и молча положила кольцо на полированную поверхность прямо перед Халидом. Он посмотрел, взял в руки, повертел в пальцах.

— Хорошо.

Всего одно слово.

А внутри меня что-то оборвалось. Это все? Просто «хорошо»? Да я чуть не подохла у этой витрины. И все ради одного слова?

— Ты боялась, — сказал он спокойно и развернул экран ноутбука в мою сторону. Я разглядела на нем запись с видеокамер. Вот я стою у прилавка, что-то говорю вышколенной продавщице, прошу ее достать еще украшения.

Я кивнула.

— Это правильно. Страх делает людей внимательными и осторожными.

Он поднял взгляд.

— Теперь ты знаешь: ты можешь больше, чем думаешь.

Я смотрела на руки Халида. На тонкое, почти игрушечное кольцо в больших ладонях. На преломление света в прозрачном камне.

Я вспомнила, как вспышка озарила мое сознание, предлагая четкий план действий. Так вот оно что! Я вдруг поняла то, что было скрыто под страхом. Эта проверка была не про кражу.

Это было про ломку. Про то, чтобы научить меня пользоваться любыми методами, использовать безвыходные ситуации в своих целях.

— Я могу идти? — спросила я у хозяина устало.

Халид молча кивнул, отпуская.

Я вышла из кабинета и пошла по коридору в свою половину, чувствуя, как внутри меня умирает прежняя Арина — тихая, честная и наивная. А на её месте появляется кто-то другой. Холодный, расчётливый, опасный.

Тот, кто выжил вопреки всему.

_____

— Can I help you? * — Могу я чем-то вам помочь? (анг.)

— I want to see this one. * — Я хочу посмотреть это. (анг.)

Воспоминания. Часть 4. Стихи на арабском

Меня разбудили глубокой ночью. Огромную виллу Халида окутывала мягкая тень ночи, и длинные коридоры тянулись бесконечно, отражая слабый свет ламп на золочёных потолках. Каждый шаг отдавался тихим эхом. Я шла, обхватив себя руками, стараясь не спешить и осторожно ступать по мягким пушистым коврам. Жилище Халида выглядело очень специфически. Снаружи это была огромная вилла в современном стиле, утопающая в зелени, с большим бассейном и красивейшим садом. Изнутри же все помещения походили на дворец, так дорого, роскошно они были отделаны и обставлены. Тут и там попадались антикварные вазы, шкатулки, светильники и предметы современного искусства, которые совершенно точно были созданы самыми востребованными дизайнерами мира. Жилище Халида было таким, каким и должно быть — изысканным, чтобы простой человек не смог бы догадаться, сколько стоят те или иные вещи, и в то же время кричащие роскошным для тех, кто понимал толк в искусстве.

Я, выросшая в крохотной квартирке на четвёртом этаже хрущевки в маленьком городе, мало что понимала в этом. Но с некоторых пор прилежно училась, и тогда, узнав стоимость какой-нибудь вазы, приходила в ужас. Так Халид формировал не только мой вкус, но и умение подмечать важные детали в не приметных порой вещах, а ещё искать специализированную информацию.

Ночью вилла казалась сказочной пещерой, наполненной сокровищами. Я шла по коридору за старым слугой. Почему-то казалось, что я до сих пор сплю и все это мне только снится.

Но это был не сон. Мне было зябко, ведь слуга разбудил меня посреди ночи и прямо в пижаме и с бардаком на голове приказал идти к хозяину. В руках и ногах слабость, которая бывает, когда только проснешься с утра и не можешь сжать кулак. Коса, что я заплела на ночь в надежде, что волосы станут немного волнистыми, тяжело хлопала по плечам и спине с каждым моим торопливым движением. Я волновалась.

На этот раз меня привели не в кабинет, а прямо в покои Халида. Он не спал. Сидел в кресле, спиной к лунному свету в окне, нога на ногу, пальцами рук слегка постукивая по подлокотнику, будто в нетерпении. Глаза же его оставались холодными, пронизывающими до самой глубины души. Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Что ему нужно от меня посреди ночи? Раньше Халид никогда не позволял себе такого поведения. Мы всегда встречались днем, преимущественно в его кабинете. Там он либо спрашивал что-то из нового материала, либо давал мелкие поручения. Что ему пришло на ум в этот раз, я не могла придумать, как не старалась. В голове крутился лишь один вариант — секс, но, учитывая наши чисто деловые отношения на протяжении нескольких месяцев, я сомневалась в таком исходе. Он был мне наставником, учителем. В конце концов, чтобы соблазнить девушку нужно действовать несколько иначе, так ведь?

— Доброй ночи, Анна. Настало время первого экзамена, — вырывая меня из размышлений, сказал он тихо, равнодушно, без эмоций. — Не в торговом центре, не завтра, не когда-нибудь, а теперь решится, подходишь ли ты для моей работы.

Экзамен? Прямо сейчас? Я испуганно замерла, охваченная одновременно страхом и волнением.

— Ты сейчас… в неподходящей форме, — продолжал он, окинув мой заспанный и растрепанный вид. — Но это не важно. Решает не тело, не одежда. Совсем другое имеет значение. Поэтому вот твое задание: ты должна сделать так, чтобы я возжелал тебя прямо такую — непричесанную, без соблазнительного белья, без косметики.

Я уставилась на него, соображая. Чего? Переваривая слова Халида, я поняла, что это задание со звездочкой. Самая настоящая проверка. И от неё будет зависеть вся дальнейшая моя жизнь. Я собралась, стряхивая с себя остатки сна.

Думай, дорогая, думай!

Как выйти из положения, когда ты скован обстоятельствами в виде глупой розовой пижамы с мишками и не потерять самообладания? Как пробудить интерес мужика, которого вряд ли можно удивить чем-то, а особенно, если прямо сейчас привычный женский арсенал пуст? Действовать нестандартно. Он сам учил меня этому. Что ж, попробуем.

Я медленно коснулась своих волос и стянула резинку с кончика косы, аккуратно расплетая ее. Те скользнули по плечам, мягко касаясь плеч. Тишина наполнила комнату, словно сама ночь замерла, ожидая.

А потом я заговорила.

Арабский, который я тайком учила все эти месяцы, чтобы удивить Халида. Он говорил со мной на русском. Приставил ко мне слуг, которые понимали английский. Его я учила по обязательной программе, которую утвердил для меня наставник. Арабского в списке не было. Но, бродя по огромному дворцу, я как-то забрела в библиотеку и увидела множество книг, исписанных арабской вязью. Стало интересно, что это за язык такой? И я попросила учителя показать мне основы. Мы договорились, что он сохранит это в тайне, ведь я надеялась как-нибудь блеснуть знаниями перед Халидом. А еще просто хотелось понимать, о чем говорят слуги и мужчины за ужином, на которые меня иногда приглашали.

— Эта ночь, как море, полное тайн и шепота ветра. — начала я говорить по-арабски слегка сбивчивым шепотом, делая небольшие паузы. — Я шла по его берегам, мечтая о встрече с твоим взглядом, чтобы мои слова нашли путь к твоему сердцу, как песок на ладони.

Я выдохнула и посмотрела мужчине прямо в глаза, не отрываясь.

— С каждым вздохом я раскрываюсь, как лепесток цветка, подчиняясь течению, которое ведёт меня к тебе. Моя душа — открытая книга, строки которой ждут, чтобы их прочли глаза, способные видеть не просто тело, а сердце.

Голос мой окреп, стал бархатным, тяжёлым, как сами слова, которые я произносила.

— Ты, как звезда, которой я никогда не смела коснуться, но чьё сияние освещает мой путь. И вот я перед тобой, вся и полностью: мечты, страхи, надежды — всё это слилось в одном дыхании, как ветер, играющий с пальцами песка.

Я окончательно распустила косу, встряхнула гривой темных волос, так что те рассыпались по плечам. Облизала губы.

— Слушай меня, но не как простую речь, а как шёпот моря, как тайну ветра, как обещание, которое не требует слов, но будоражит, трепещет, притягивает. Я пришла к тебе этой ночью, чтобы быть и нежной, и смелой, чтобы быть собой и одновременно тем, что ты ищешь. И знай: в этом молчании, в этих строках сокрыта вся сила моей готовности быть рядом, но не как предмет, а как душа, свободная и гордая.

Черт возьми, в этот момент я сама невероятно хотела Халида. В голове рисовались очень явные образы нашей возможной близости.

Я слышала, как Халид замер. Его лицо оставалось каменным, но глаза светились вниманием, интересом и… напряжением? Он слышал каждое слово, каждую интонацию, каждое движение моих пальцев по волосам.

Я смолкла. Комната снова наполнилась тишиной. И только потом он сказал тихим и странным, будто охрипшим голосом, которого я никогда до этого не слышала:

— Ты справилась. — Халид поднялся с кресла и подошёл к тёмному прямоугольнику окна.

— Правда? — тихо переспросила я, а сердце всё ещё колотилось от волнения.

— Ты — идеальный кандидат. — Халид повернулся и посмотрел на меня привычно холодно. Его взгляд задержался на распущенных волосах, на улыбке, которую я едва бы могла скрыть. — Я доволен. Возвращайся к себе.

Я позволила себе короткий вдох облегчения. Это был мой первый экзамен на ум, сообразительность и контроль над собой. Теперь я знала: отныне у меня есть шанс стать не просто инструментом, а игроком.

Воспоминания. Часть 5. Конспиративная квартира

Москва встретила меня серым апрельским небом и холодным воздухом, который сразу пробрался под пальто — резко, без предупреждения, как старая знакомая, решившая напомнить о себе. В ожидании такси я стояла у выхода из аэропорта, держа в руках чемодан. Мимо пробегали люди, безостановочно текли вереницы машин, то высаживая пассажиров. то наоборот принимая их в свое нагретое нутро. За зданием взлетали и садились самолеты и никому, ровным счетом никому не было до меня дела. Этот город жил своей суетливой и яркой жизнью.

На секунду я закрыла глаза, вдыхая московский воздух — запах бензина и дорогих духов, совсем как пелось в старой песне.

Пять лет. Я не была здесь целых пять лет. Тогда, кажется, вечность назад я уезжала отсюда Ариной. Испуганной, растерянной, готовой выть от тоски по дочери.

Сегодня я вернулась. Но уже теперь не Ариной — Анной. Человеком, у которого есть четкая цель, последнее в контракте задание, которое принесет долгожданную свободу.

Такси подъехало быстро. Как ни крути, а технологии в Москве были развиты получше, чем во многих европейских странах. Пару кликов в приложении и любая услуга доступна. Водитель молча загрузил мой небольшой чемодан, бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, проверяя, пристегнулась ли я, и включил навигатор.

Я назвала адрес. Не потому, что водитель не знал, куда ехать, а будто сверяясь со внутренним компасом. Водитель молча кивнул. Я была рада, что он не болтлив. На самом деле, терпеть не могла слишком общительных незнакомцев, вынужденных быть приветливыми. В других странах приходилось терпеть это показное дружелюбие и улыбаться в ответ. Привычное суровое выражение лица, так свойственное людям из стран СНГ, сразу бросается в глаза и может запомниться. В России же изображать «friendly» не было необходимости.

Мы ехали по новой трассе, и город постепенно приближался. Новые микрорайоны, плотный поток машин, миллион огней, вывески с рекламой и люди — привычный московский хаос. Я смотрела в окно и ловила себя на странном ощущении, будто вернулась не в город, а в свою прошлую жизнь, которой давно нет, но которая оставила в моем сердце свою печать. Я знала этот город. Когда-то он был моим домом. Теперь же он превратился в поле моей последней операции. Просто локацией, где мне придется сыграть очередную роль.

Авто привезло меня в спальный район в районе метро Тульской. Я специально выбрала это место. Достаточно близко от центра и Третьего кольца, чтобы легко было добраться в любую точку. И в то же время это был обычный район, застроенный однотипными новостройками эконом класса. Кажется, раньше здесь стояли старые хрущевки, совсем такие как в моем городке — кирпичные, утопающие в зелени дворов. Но реновация добралась и до них. И из старого района недалеко от метро, он превратилось в современный спальный, в котором в ряд стояли дома-коробочки без индивидуальности и характера. Халид специально выбирал такие места, чтобы можно было раствориться, слиться с тысячей жителей, что вечно спешат и никуда не успевают.

Машина припарковалась у тротуара. Дом оказался именно таким, как я хотела: невысокий, без пафоса, с закрытым двором и детской площадкой под окнами. Я дождалась, пока мужчина все также молчаливо достанет мой багаж, бросила короткое «спасибо» и вошла в подъезд по коду, который мне оставили хозяева.

В просторном холле заметила почтовые ящики, зеркало и дверь в, надо полагать, колясочную. Тут же был выход во внутренний двор, который, как и подъезд запирался на замок. Я вызвала лифт и поднялась на пятый этаж.

Квартира встретила тишиной и едва уловимым ароматом средств для уборки. Небольшая, аккуратная, светлая однушка со свежим ремонтом. Ничего лишнего — диван, стол, на кухне гарнитур, холодильник и минимальный набор посуды. В лучших традициях современного съемного жилья.

Я бросила чемодан у входной двери и, не торопясь обошла все помещения. Проверила замки, осмотрела на предмет камер, заглянула за шторы. Надо будет проверить розетки — сделала себе пометку.

Всего лишь привычка, которая иногда бережет саму жизнь. Конечно, я не была шпионкой, но осторожность никогда не помешает. Так учил Халид, а я не спорила.

Я сняла пальто, включила греться чайник и села на подоконник большого окна на кухне. Он был широкий и низкий. Здесь хорошо бы положить матрасик, набросать подушек и по вечерам, когда садится солнце, провожать его чашкой чая. С улицы доносились звуки города: сигнал машин, детский смех, далекий лай собак. Я смотрела вниз. По площадке бегала ребятня. Женщина толкала коляску. Мужчина курил у подъезда. Из магазина на первом этаже вышла парочка влюбленных. Они держались за руки и смотрели друг на друга.

Обычная жизнь. Та, которой я больше не умела жить.

Я достала телефон и взглянула на экран. Сообщение от Халида — как всегда четко по времени, будто он постоянно следил за мной. Я хмыкнула. Раньше меня это не раздражало, а вот сегодня задело. Смс было коротким:

«***Отдохни. Завтра встреча***»

Я усмехнулась: «Отдохни». Он умел красиво называть ожидание. Вскипевший чайник вырвал меня из раздумий. Пришлось подняться с подоконника и заглянуть в шкафчики в поисках кружки и чайного пакетика. Все необходимое нашлось почти интуитивно — посуда в сушилке над раковиной, заварка и другие мелочи в модуле рядом.

Пока чай заваривался я решила заняться делами. Какое-то время занял разбор чемодана. Костюм и блузки на плечики, джинсы и футболки на полку в шкаф. Обувь заняла свое место в прихожей, а косметичка поселилась в ванной.

Когда с делами было покончено, я легла на диван, закинула руки за голову и закрыла глаза. В голове мелькали картинки. Еще утром Дубай с его стеклянными небоскребами, жарой и вечным песком на зубах, который периодически несло из пустыни. И вдруг Москва — родной язык, синие электробусы, серое небо и запах дождя. Я чувствовала, как город постепенно въедается под кожу, проникает в меня с каждым вдохом.

Вечером захотелось вдруг прогуляться. Я напялила джинсы и свитер потеплее, нырнула в кроссовки и обмотала шею шарфом, как когда-то миллион лет назад. Шла без цели, просто впитывала улицы, лица, шум. Купила кофе в маленькой кофейне. Перекинулась парой ничего не значащих фраз с бариста. Попросила у него картонный вкладыш, чтобы не обжечь пальцы.

Выйдя на улицу, я вдруг почувствовала себя живой, настоящей и почти счастливой.

Но я ещё не знала, что именно в этом городе меня ждет самая грязная игра всей моей жизни. И самый опасный враг. Тот, чье имя пока еще не возникло даже в моих мыслях.

Воспоминания. Часть 6. Папка в кожаном переплете

Я сразу поняла, что что-то не так.

Халид не смотрел на меня, когда я вошла в его кабинет в стеклянной башне «Федерация» в Сити, где он назначил мне встречу. Он стоял у панорамного окна, спиной ко входу и ко мне. Это был знак, что разговор заранее предрешен, а я пришла только выслушать приговор. Он не был разгневан или недоволен мною, наоборот, будто нетерпелив даже — пальцы его рук, узкие, аристократичные постукивали по оконной раме.

— Привет. — поздоровалась я, чтобы нарушить вязкую тишину и подошла ближе.

— Садись, — сказал он спокойно, не оборачиваясь.

Я не села. Осталась стоять, сцепив пальцы перед собой.

Он наконец повернулся, внимательно окинул меня взглядом и слегка подтолкнул ко мне тонкую чёрную папку, что лежала на дорогом дубовом столе.

— Твое новое задание.

Много раз, когда было совсем невмоготу, я представляла, как буду получать последнее задание. Мне казалось, в тот момент я буду очень радостна, а сердце будет колотиться в груди, как ненормальное. На деле все оказалось совсем иначе. Все слишком буднично. Разве что ощущение подставы не покидало. Но я старательно гнала его прочь.

Я взяла папку и открыла. На первом же листе была прикреплена фотография. Нет, невозможно. Стало нечем дышать. Мир вдруг потускнел и схлопнулся, становясь плоским, бесцветным и тихим, как в вакууме. Имя я увидела не сразу. Мне и не надо было. Слишком знакомый профиль. Линия челюсти. Взгляд. Та самая усмешка, которую я когда-то знала лучше, чем свое отражение.

На меня будто вылили ведро ледяной воды.

Кирилл.

Я поморгала, приходя в себя, не сумев скрыть своего состояния. Халид, конечно же, все знал. Не мог не знать, если собрал на Шахова досье. Что-то объяснять было бесполезно.

Я закрыла папку и слишком громко вернула ее на столешницу. Гулкий звук улетел под потолок.

— Нет.

Мой голос прозвучал наоборот слишком глухо.

Халид приподнял бровь. Это выражение его лица не сулило ничего хорошего.

— Ты даже не посмотрела материалы.

— Мне не нужно. — я вздохнула, набираясь смелости. — Нет, и это не обсуждается.

Он молчал несколько секунд. Потом медленно сел в кожаное кресло и сложил руки.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Внутри все дрожало, но я старалась говорить ровно. Нельзя позволять себе показать слабость. Не здесь. Не перед ним.

— Это личное, — сказала я. — Я не буду работать с этим объектом.

Халид кивнул, будто ожидал именно такого ответа.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда поговорим о тебе.

Он нажал кнопку на ноутбуке и развернул тот ко мне. Экран вспыхнул белым светом, высвечивая несколько файлов в папке «Анна».

Первый — мои документы. Настоящие. Те, которых «не существовало» для всего остального мира уже пять лет.

Второй — данные матери, наш адрес.

Тут же открылись несколько фото Ляльки в песочнице, с мамой в супермаркете и за забором детского сада.

Меня почти физически затошнило. Липкий страх комком провалился в желудок.

Третий документ — отчеты о моих перемещениях за последние годы — посадочные талоны с рейсов, фото с отдыха, с заданий, где я в разных образах — в париках и очках.

Еще один файл — распечатка моего старого номера с архивом звонков в Россию. Я звонила по нему только домой.

И вишенка на торте — файл последний. Моя первая кража в молле. Я стою у витрины с кольцами, рука опущена и неестественно застыла вдоль сумки, прямо у расстегнутой молнии.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Он не мог. Не должен был.

— Ты… собирал на меня компромат?

— Я работал с тобой, и должен был подстраховаться. — спокойно ответил Халид, будто объяснял очевидное. — Это разные вещи. В конце концов, нужно контролировать своих сотрудников, особенно когда их ищет Интерпол.

Я сжала кулаки.

— Ты обещал защиту, Халид.

— Я ее дал. От других. Но не от себя.

Эта фраза ударила сильнее любого крика.

— Ты не имеешь право, — сказала я тихо, сжав челюсти. Во рту отчаянно горчило.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— У меня есть право на результат. Мне нужно, чтобы ты взяла объект в работу.

Я молчала.

— Ты исчезла бы без меня, — продолжил он. — В нищете и забвении. Без денег. Без будущего для дочери. Я дал тебе всё это. И я же могу забрать.

Я почувствовала холод в груди. Не страх. Пустоту.

— Ты шантажируешь меня, — сказала я.

— Я напоминаю тебе условия сделки. Ты собственноручно подписала контракт. Ты обязана его выполнить. Я не требую ничего сверх.

Он снова придвинул папку с делом Кирилла.

— Ты профессионал. И именно поэтому я выбрал тебя. Потому что ты умеешь выключать эмоции. Потому что ты научилась быть другой — сильной, смелой и хитрой.

Я смотрела на папку и понимала: он не оставил мне выхода.

— Если я откажусь? — спросила я, уже зная ответ.

— Ты сама понимаешь, что будет дальше. Ты даже вернуться не успеешь туда, откуда я тебя вытащил. Твои счета будут аннулированы. Лучшее, что ждет преступника по линии Интерпола — если власти решат его не выдавать. Но, это палка о двух концах, Анна. Зная твою историю, самое главное ведомство в этой стране не отпустит тебя. В противном случае, если ты отказываешься сотрудничать, тебя посадят и надолго.

Я закрыла глаза на секунду. В голове возникли лица мамы и дочки. Дом. Прошлая жизнь. Та Арина, которая когда-то верила людям.

Я медленно открыла папку снова.

В этот момент я заставила себя посмотреть на Кирилла снова. Не как на мужчину из прошлого, а как на будущую цель.

— Сколько у меня времени? — спросила я, облизав пересохшие губы.

Халид едва заметно улыбнулся. Только уголками губ, но я заметила, потому что слишком хорошо его знала.

— Я знал, что ты поймёшь. Что касается времени, действуй по обстоятельствам. Даю тебе полную свободу.

Это прозвучало, как издевка. В этот момент что-то внутри меня сломалось. Уважение и поклонение этому человеку растворилось. Я смотрела на того, кто стал мне всем на долгие пять лет — защитником, наставником, почти близким, и понимала, что ненавижу его. Но ненавижу совсем не так, как когда-то сгорала от ненависти к Кириллу. Сейчас я испытывала странное чувство — холодное, собранное, расчетливое. Наверное, я могла бы сейчас его убить и даже не пожалела бы об этом.

— Хорошо. Я выполню задание.

Он кивнул.

— Я не сомневался в тебе. Поверь, Анна, ты получишь гораздо больше, чем думаешь. Это — выпускной экзамен и в качестве награды тебя ждет свобода.

Он сказал это почти тепло. Почти как раньше. И от этого нестерпимо захотелось плакать.

Я захлопнула кожаную папку и вышла из кабинета, не оборачиваясь.

И только в лифте позволила себе сбросить ледяную маску и вдохнуть глубже. Руки мелко дрожали. Нестерпимо хотелось пить. Главное, не рухнуть в обморок прямо тут. Добраться до квартиры, а там можно переварить ситуацию, прореветься вволю, утопить жалость к себе в вине. Все, что угодно, чтобы примириться с действительностью. Все потом, не сейчас.

Кирилл Шахов все еще здесь. Вся его красивая жизнь в этой элегантной папке из черной кожи. Жизнь, которую мне предстоит разрушить.

Воспоминания. Часть 7. Подготовка

«Домой» я вернулась разбитой и растоптанной. Закрыла дверь на ключ, скинула туфли и прямо в пальто прошла на кухню. Пошарила по шкафам в поисках бокалов. Их не нашлось. Достала из черного пакета бутылку красного сухого вина и, открыв тару, плеснула прямо в кружку, из которой утром пила свой чай.

Глоток. Ещё один. Вино обожгла пищевод, согревая. Сколько я уже не пила? Год? Три? Или все пять? Я и раньше то особо не увлекалась, но у Халида были свои правила, которые нельзя было нарушать. Правила, за нарушение которых следовало наказание.

Одно из них — как раз алкоголь. Даже если нужно было пить по легенде, как в той истории с виноградарем, я пила очень мало, зато отлично умела играть роль сильно пьяного человека. С вином мне пришлось практически сломать себя, пойти против физиологии. Известно, что алкоголь по-разному воздействует на людей. Один становится агрессивным, другой без вольным. Третий просто сразу идет спать. Я была из последних. Пришлось практически сломать себя, вылепить новую физиологическую привычку, чтобы научиться держаться, будто не воспринимаешь алкоголь. Это было чертовски трудно. Несколько недель подряд Халид заставлял меня пить ежедневно, а потом поправлять реакции. И если я не могла противиться своей физиологии, и я выглядела сонной и заторможенной, меня ждало наказание.

Воспоминания об этом вызвали неприятные мурашки по коже. Мне казалось, я почти забыла. Заставила себя забыть. Я налила ещё полкружки вина и чуть ли не залпом осушила содержимое. Стало жарко. Я вспомнила, что стою прямо в пальто на кухне и смотрю в окно, в эту чужую мирную жизнь, в которой мне не оставили места.

Я пьяно усмехнулась — я думала, что я почти свободна. Я питала надежду скорой встречи с дочерью, я строила планы на будущую жизнь. А жизнь в лице Халида подложила мне свинью — большую и грязную.

Захватив с собой бутылку и кружку, я пошла в комнату, по пути скинув пальто в прихожей. Черт с ним, пусть валяется. Не одной же мне чувствовать себя в полной заднице. Я не представляла, как взяться за это задание. Я не могла даже подумать о том, чтобы просто открыть папку с материалами. Я ненавидела сейчас всех их вместе: Шахова, за то, что вообще появился когда-то в моей жизни и Халида — за то, что эту жизнь изменил.

Я знала, что не только я одна работала на Халида. Неужели он не мог поручить это дело кому-то другому? Я снова пьяно усмехнулась, безвольно опускаясь на мягкий диван. Нет, он поручил этого ублюдка мне. Не знаю, почему, но обязательно выясню. Потом, не сейчас. А сейчас хотелось только забыть все, что случилось сегодня в чертовом снятом стеклянном офисе где-то в башне Сити. Мне хотелось только одного — пить вино прямо из бутылки, потому что лень было наливать в кружку, которая стояла где-то на полу у дивана, и выть от безысходности.

— Ненавижу вас всех. — хрипло сказала я вслух.

Если Халид слушает эту квартиру, что весьма вероятно, пусть знает. Я слишком долго молчала и беспрекословно выполняла все его правила. Месяцы обучения и наказания за строптивость не прошли даром. Но я тоже была живым человеком, который умел чувствовать. Которому бывало больно. Который мог чего-то бояться.

— Так почему я, черт возьми? Почему я должна работать с ним? — всхлипнула я наконец и вдруг разрыдалась безудержно и так горько, как казалось, не рыдала с момента той встречи с Кириллом на парковке.

Дальше все было как в тумане. Я пила, ревела, запивая сухим вином собственные слезы. Потом достала из кошелька маленькую фотку Ляльки. Она кружилась на детской карусели, кажется, она называлась «Цепочка» в старом парке моего крошечного городка. Белокурые волосики развевались на ветру, и она хохотала заливисто и так искренне, что у меня защемило

сердце. Она была тогда просто счастлива, что мамочка приехала, привела ее в парк кататься на аттракционах и есть сладкую вату.

Я должна суметь. Должна ради нее. Ради нашего будущего, о котором так сильно мечтала. Я смотрела на глянцевый прямоугольник, гладила образ моей малышки и с каждой секундой понимала все больше — ради нее я сделаю все, что угодно. Я встречусь с Кириллом Шаховым и сыграю свою роль до конца.

***

На следующее утро меня разбудил звонок в дверь. С трудом осознавая, где я, разлепила глаза, осматриваясь. Входной звонок лупил по мозгам своей противной трелью. Я поднялась с дивана, поняв, что уснула вчера прямо так, в джинсах и футболке, и прошлепала в прихожую. В горле жутко пересохло и хотелось пить. Голова раскалывалась от вчерашних возлияний.

Я посмотрела в глазок и увидела незнакомого парнишку с пакетом. Курьер, судя по всему. Но нужно быть осторожной. Я попыталась собраться, но идиотский звонок не давал сосредоточиться — бил по мозгам.

— Кто там? — хрипло спросила я перед тем, как открыть.

— Курьер. — выучено ответил паренек и наконец перестал нажимать на кнопку звонка.

— Я не заказывала.

— Значит, для вас заказали. — закатил глаза курьер и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — откройте, пожалуйста, мне еще три заказа везти.

— Ладно, черт с тобой. — процедила я, открывая дверь.

Парнишка торопливо вручил мне пакет и унесся вниз по лестнице.

Я пожала плечами, заперла дверь, и только тут заметила, что пальто мое всю ночь провалялось на полу в прихожей.

Я подняла пальто, повесила его в шкаф и поплелась вместе с пакетом от курьера на кухню. Внутри оказалась моя любимая минеральная вода и таблетки от головной боли. Халид. Больше некому. Мысленно послав его к чертям, я открыла бутылку. Выпила воды, приняла таблетку и отправилась в душ — смывать остатки вчерашнего дня.

Через полчаса я сидела на диване в комнате чистая и со свежей головой. Злосчастная кожаная папка пристроилась рядом.

Выбора не было.

Я взяла папку, выдохнула, открыла ее и стала читать досье.

«Шахов Кирилл Сергеевич, 1979 года рождения, генеральный директор „Шахов корпорейтед“. Женат, имеет двоих сыновей 11 и 9 лет.»

Далее следовала информация, которую я, итак, знала — место жительства, автомобиль, родственники, привычки, увлечения и распорядок дня. За ней шла короткая записка об устройстве его компании, ее уставной капитал и прибыль, которую приносила компания. Все это для меня имело лишь опосредованное значение. Я взяла лист бумаги со столика у дивана и карандаш. Нарисовала посредине небольшой круг и поместила внутрь букву «К». Меня мало интересует уставной капитал, мне важно выяснить взаимосвязи с другими лицами — женой, детьми, друзьями. Жизнь Шахова за пять лет изменилась. Да он и не подпускал меня никогда к своим делам так близко, чтобы показывать окружению. Это я, как наивная дурочка считала Кирилла почти своим мужем. Для него же я была просто очередной секретаршей, что повелась на его смазливую физиономию и охотно раздвинула перед боссом ноги.

Я задумалась над тем, через кого стоит подбираться к Шахову? Нина? Стать подругой его жене? Нет, насколько я поняла, жена для моего бывшего — не авторитет и не любимая. Устроиться на работу в его компанию и пойти прошлым маршрутом? Я усмехнулась. Глупо. Я знала, что расчетливый Шахов секретарш держит только в одной позе. Ни к каким делам у них никогда нет выхода.

Думай, дорогая.

Я встала и прошлась по комнате, прикусывая кончик простого карандаша зубами, словно сигарету. Вернулась и полистала папку снова. Взгляд зацепился за начальника службы безопасности «Шахов корпорейтед». Хм, а вот это интересно.

Максим Игоревич Петров.

В компании более трех лет. Значит, пришел уже после моего увольнения. Судя по записям в досье, был практически правой рукой Кирилла. По крайней мере, на всех неформальных тусовках он был рядом. Не женат. Всегда мелькает с разными женщинами. Бабник, такой же, как и его дружок. Я еще раз взглянула на фото — очень коротко стрижен, почти лысый, брутальный, с отличной фигурой. Но не тупой качок — глаза умные и внимательные. Волевой подбородок и хитрый взгляд.

Что ж, усмехнулась я, пожалуй, я знаю, с чего начать. С ним будет непросто. Зато очень интересно.

Воспоминания. Часть 8. Знакомство

Офис «Шахов корпорейтед» располагался в башне из стекла и бетона в одном из престижных бизнес-центров столицы в Хамовниках. Все в том же, как и пять лет назад. Дорогой район, по которому понятно — все серьезно.

Я стояла у входа в огромную башню, кажется в тридцать пять этажей, что устремилась прямо в небо, и прислушивалась к себе. Что я сейчас чувствовала? Это было волнение. Никогда до этого ни одно задание не заставляло меня так волноваться. Все-таки это было изощренной пыткой — поручить Кирилла Шахова мне. Я глубоко вдохнула густой от выхлопных газов московский воздух и пошла ко входу, прижимая к себе аккуратный портфель для документов из тончайшей кожи.

Весь вчерашний день я готовилась — заказала немного одежды, кое-какие аксессуары, продумала свой идеальный образ для первой встречи. А еще купила совершенно чистый ноутбук и составила план действий. Сегодняшний визит в компанию Шахова — самый важный. Нет, мы не встретимся с Кириллом сегодня. Это было бы странно и нелогично, требовать аудиенции у самого владельца и генерального директора. Мой путь был немного длиннее. И начинался он с начальника службы безопасности «Шахов Корпорейтед» Максима Игоревича Петрова.

На ресепшн уже ждали. Предъявив паспорт, я получила пропуск на имя Анны Власовой и вошла через турникеты. Поднялась знакомым путем на лифте и позвонила в стеклянную дверь. Компания Шахова занимала целый этаж. Меня встретила миловидная блондинка лет двадцати пяти, совсем как я, когда пришла сюда пять лет назад на свою первую серьезную работу. Забавно, усмехнулась про себя, Шахов постоянен в своих привычках — и девочек выбирает все так же лично: на одно лицо и с хорошей фигурой.

— Здравствуйте, — заученно улыбалась девушка. — Могу я узнать, кто пригласил вас?

— Добрый день. — Мой тон выражал общепринятую дружелюбность. Я прочитала с бумажки, которую держала в руке. — Мне назначена встреча с Максимом Петровым. Анна Власова, компания «Нордлайн Капитал».

— Ах, с Максимом Игоревичем. Конечно, сейчас я проверю информацию. — девушка нырнула взглядом в компьютер. — Да, все верно. Переговоры по вопросам инвестиций. Для вас зарезервирована переговорная В-12. Пойдемте, я провожу вас.

Красотка встала, оправила юбку-карандаш и повела меня по коридору. Я прекрасно помнила, где находились переговорные комнаты. Разве что названия они почему-то носили теперь другие, с буквенной нумерацией. Но направление, куда идти, я знала.

— Если вам требуется гардероб или туалетная комната, они здесь. — указала рукой девушка на неприметную дверь слева.

— Спасибо, буду иметь в виду. — ответила я вежливо, продолжая идти за блондинкой.

Мы завернули за угол, прошли еще несколько метров и остановились у стеклянной стены. На такой же, из стекла двери было выведено довольно крупно «В-12».

— Можете подождать здесь. Максим Игоревич скоро подойдет. — улыбнулась девушка и открыла дверь, впуская меня в переговорку.

— Спасибо. — улыбнулась я в ответ и вошла.

Осторожно сняла пальто и повесила на вешалку в углу помещения. Раздеваясь, оценила помещение. Камеры обычно направлены на вход и проектор. Плюс несколько ракурсов внутри помещения. Я заняла место через два стула от торца — так я буду достаточно близко от возглавляющего переговоры, чтобы слышать его, и в то же время не садиться рядом. К тому же с этого места прекрасно видно дверь, и мне не придется поворачивать голову, чтобы встретиться

взглядом с тем, кто входит. Я достала ноутбук и бумаги и только успела разложить их и включить лэптоп, как дверь тихонько стукнула и в переговорной появился безопасник.

— Добрый день.

— Здравствуйте.

Уверенная походка, верхняя пуговица воротника футболки-поло расстегнута, расслабленная улыбка, взгляд, который скользил по женщинам, автоматически их оценивая. Он был из тех мужчин, которые привыкли думать, что мир всегда на их стороне.

Петров скользнул по мне взглядом и прошел к торцу стола, одним точным движением отодвинул стул и сел. «Что ж, ожидаемо» — усмехнулась я внутренне, но виду не подала. В живую выглядел даже лучше, чем на фото из досье. Спортивная, даже натренированная фигура, резкий профиль лица, внимательный взгляд карих глаз. И даже очень короткая стрижка а-ля «Джейсон Стетхем» ему определенно шла.

Мужчина положил перед собой пухлую потертую папку. Небрежно бросил телефон на столешницу экраном вниз. Задник смартфона сверкнул эмблемой надкушенного яблока. Судя по камере, одна из последних моделей. Петров полистал папку, вглядываясь в бумагу. Видимо, читал информацию обо мне.

— Максим. Можно просто — Макс. — сказал он с улыбкой.

— Тогда просто Анна, — ответила я мягко.

— Прошу прощения, если заставил вас ждать — важное совещание.

— Понимаю. — я едва заметно кивнула. — Все в порядке. Вы дали мне время подготовиться.

Теперь я посмотрела Максиму Игоревичу прямо в глаза. Он выдержал взгляд, не стушевался, не отвел глаз. Наоборот, несколько секунд с интересом рассматривал меня. Я видела, как он оценивает фигуру, осанку, голос, манеру держаться. Мужчины вроде него делают это машинально. Я позволила ему это, потому что знала — он удовлетворен тем, что увидел. Аккуратный, едва заметный макияж, волосы убраны в лаконичную прическу-ракушку и заколоты шпильками. Белая блуза строгого кроя отлично сидела по фигуре и идеально сочеталась с низом — серыми брюками. В качестве дополнения крупный браслет под серебро из увесистых пластин. Он всегда добавлял образу индивидуальности, не делая его дешевым.

Я медленно опустила глаза в свои документы.

— Отлично. — коротко сказал Максим. Это прозвучало двусмысленно: будто он ставил мне оценку, а не соглашался с моим утверждением.

— Тогда начнем. — подняла я на него сосредоточенный взгляд. — Я к вам с очень интересным предложением.

Воспоминания. Часть 9. «Случайный» лист

Мы провели в переговорной почти час.

Сначала говорил Макс. Он рассказывал о том, что я и так знала: «Шахов Корпорейтед» на рынке много лет и работает только с теми клиентами, которых выберет сам. А точнее, лично Кирилл Сергеевич Шахов.

Я внимательно слушала, делая заметки на белом листе. После попросила включить презентацию, подсоединив мой ноутбук, и рассказала об инвестиционном предложении нашей компании. Это было правдой. Халид никогда не делал пустышек. У него действительно было несколько компаний, которыми руководили подставные лица. Эти компании совершенно легально вели бизнес, специализируясь на разных видах деятельности. Среди всего прочего, был у него и инвестиционный фонд, с предложением которого на этом задании я и выступала.

Презентация была сделана на «отлично». Еще бы, я сама собирала ее вчера несколько часов подряд, пока ждала доставку платьев. Люди Халида провели всю необходимую аналитику, создали коммерческое предложение, а я, изучив материалы по делу Кирилла, сделала презентационные материалы. Я всегда предпочитала участвовать в разработке, ведь так лучше понимаешь, что от тебя требуется, как действовать, какими аргументами можно апеллировать, на какие «болевые» точки давить.

После моей презентации мы перешли к обсуждению условий. Я говорила спокойно, уверенно, точно. Без лишних эмоций. Макс слушал внимательно, но периодически взгляд соскальзывал с экрана проектора, где красовался график возможного роста акций компании Шахова, на моё лицо. «Все-таки, цифры были ему скучны», — с удовольствием отметила я. Это значило, что пришло время для следующего шага.

Именно тогда я сделала первый ход.

Когда показывала Максу папку с коммерческим предложением, я сделала все точно так, как планировала.

Лист лежал между страниц — тонкий, почти незаметный. Он выпал. Медленно, идеально красиво белый прямоугольник бумаги скользнул по столу и остановился рядом с крупной мужской рукой. Я продолжила говорить еще одну фразу, будто не замечая, но сама наблюдала. Я увидела, как его взгляд скользнул вниз, поднимая лист. Ухоженные пальцы непроизвольно коснулись края белого прямоугольника. И тут же брови едва заметно дрогнули, а глаза слегка расширились.

Это был не отчет и не таблица. Это была аккуратно начерканная от руки «личная заметка». Всего несколько строк, ничего откровенного, но достаточно, чтобы воображение додумало остальное.

«*Макс. Уверенный. Привык быть в центре внимания. Реакция на зрительный контакт быстрая. Опасно притягателен. Это нужно учитывать.*»

Этого было достаточно.

Я остановилась, посмотрела на стол и спокойно протянула руку.

— Простите. Рабочие заметки.

Забрала лист, сложила, и убрала в свою папку.

— Иногда я путаю документы, — сказала я с лёгкой улыбкой, при этом не краснея.

Он усмехнулся.

Когда я передавала Максу коммерческое, наши пальцы соприкоснулись на секунду дольше, чем нужно. «Случайно». Конечно же. Я подняла глаза и встретилась с его взглядом. Он смотрел уже иначе. Не как на возможного партнера, а с интересом, словно перед ним необычный ребус, который необходимо разгадать.

Атмосфера изменилась. Макс больше не откидывался в кресле. Он выпрямился. Начал задавать вопросы, но путался в формулировках. Его внимание то и дело возвращалось ко мне, к моим рукам, к голосу. Я отвечала спокойно. Холодно. Профессионально. Чем сдержаннее я была, тем сильнее он отвлекался.

Когда встреча закончилась, он встал первым.

— Интересное предложение, — сказал Макс. — Думаю, Кириллу будет любопытно познакомиться с вами лично.

Вот оно. Я кивнула и ответила спокойным тоном.

— Буду рада.

Встреча закончилась. Я собрала документы и ноутбук и забрала пальто с вешалки. Все это время Макс делал вид, что пишет что-то в телефоне. Наконец мы вышли из переговорной. Тут же к нам подскочила миловидная блондинка с ресепшн, чтобы проводить меня к лифтам. Мы распрощались и разошлись в разные стороны. Я чувствовала мужсской взгляд спиной, когда шла по коридору, но даже не обернулась.

Только в лифте, спускаясь на первый этаж бизнес-центра, я позволила себе выдохнуть. Один шаг сделан. Первый, но очень важный шаг. Я не чувствовала триумфа. Только холодную, ясную концентрацию. Халид будет доволен. Все было сработано чисто. Я была уверена на тысячу процентов: теперь Макс думает обо мне. Он расскажет обо мне Кириллу. А это как раз то, что мне нужно.

Я подняла ворот пальто, выходя на улицу, и позволила себе короткую мысль, от которой внутри что-то болезненно сжалось: «Ты еще не знаешь, но я уже рядом».

Воспоминания. Часть 10. Ты справишься!

Новая металлическая дверь свежей, еще толком не обжитой новостройки закрылась за мной с глухим щелчком. Я не включила свет сразу. Медленно прошла в квартиру, сняла пальто, повесила его на спинку стула в прихожей. Сняла туфли на шпильке, хоть и удобные, но от каблука все равно устаешь. Поставила портфель на стол в комнате. Движения — выверенные, без эмоций, почти автоматические. Как всегда, после напряженного этапа работы: сначала порядок снаружи, потом — внутри.

Но внутри было неспокойно. Я прошла к окну и остановилась у него. По привычке бегло окинула взглядом двор: нет ли посторонних странных, подозрительных людей на детской площадке. Город погружался в вечер, и вместе стихающего дневного шума его заполнили огни, движение, чужие жизни за тонким тюлем на шторах в окнах напротив. В стекле отразилась я — строгая, собранная, идеально вписанная в роль. И где-то глубже во мне тонкая, едва заметная трещина.

— Ты еще не знаешь, но я уже рядом… — тихо повторила я фразу, с которой уходила из офиса Шахова, и губы дрогнули.

Кирилл. Имя отозвалось не холодом, как должно было, а чем-то тяжелым, вязким. Неправильным. Он мог узнать меня, вспомнить.

Я закрыла глаза, успокаивая себя. Он знал Арину. Не Анну Власову, не представителя инвестиционного фонда, не женщину в сером костюме с идеальной осанкой и деловым взглядом. Арину — ту, которой больше нет. Девушку, которая верила и смотрела на него иначе. Которая осталась в прошлом, где все было другим — проще и больнее.

Я резко отвернулась от окна.

— Это невозможно, — сказала вслух, как аргумент. — Пять лет.

Годы меняют людей. Лица, взгляды, голос. Манеру держаться, даже дыхание. Я сама иногда не узнаю себя, когда смотрю в зеркало без подготовки.

Но Кирилл — не из тех, кто забывает. Что ж, в моих интересах сделать так, чтобы он не узнал и не вспомнил.

Я прошла на темную кухню, налила себе воды в стеклянный стакан. Руки двигались спокойно, но внутри нарастало раздражение — холодное, колючее.

Подумалось о Халиде. Рука сжала стакан чуть сильнее, чем нужно.

Кирилл — последняя цель, финальный аккорд в контракте, жирная точка.

И именно Кирилл Шахов.

Я понимала, что это — не случайность и не совпадение. Это точно замысел Халида. Но для чего? Он ведь не настолько мелок, чтобы просто наслаждаться моими мучениями. Нет, за этим решением определенно есть своя история. И я обязательно выясню, что там прячется.

Словно в унисон моим мыслям на столе в комнате завибрировал телефон. Там, где я оставила портфель с документами.

Я сделала еще глоток воды, поставила стакан, вытерла пальцы о салфетку и только потом пошла в комнату, чтобы взять трубку.

Имя на экране не удивило.

— Да, — сказала я спокойно.

— Ты справилась, — голос Халида был ровным, уверенным. — Я видел отчет.

Я усмехнулась без тени радости.

— Быстро.

— Ты же знаешь, на меня работают лучшие люди.

Я не ответила. Пауза.

— Макс заинтересован, — продолжила я сухо после небольшой паузы. — Передаст меня Шахову. Все идет по плану.

— Я и не сомневался.

Это прозвучало почти мягко, даже как похвала. Я на секунду закрыла глаза.

— Почему он? — все-таки спросила я, зная, что он никогда не скажет правды.

Снова короткая пауза — правильная, театральная, которой он сам меня когда-то учил. Говорил: не отвечай сразу, возьми паузу.

— О ком ты?

— Не надо, — перебила я. — Ты понимаешь.

— Это просто цель, Анна. — слышу я общую фразу и не верю не единому слову.

Я усмехнулась.

— Нет. Не просто.

Говорю тише, но даже сама слышу, как усиливается металл в голосе:

— Ты мог дать любого. Любую компанию. Любого человека. Но выбрал его.

— Потому что ты справишься.

— Или потому что тебе интересно, — сказала я.

На этот раз он молчал дольше.

Я провела рукой по лбу, сдерживая раздражение.

— Ты знаешь, что он значил для меня.

— Знаю, — спокойно поправил Халид. — Но это в прошлом.

Я коротко рассмеялась.

— Удобно.

— Эмоции мешают тебе думать, — его голос стал жестче. — А ты не из тех, кто позволяет себе роскошь ошибаться.

Я сжала телефон сильнее.

— Я не ошибаюсь.

— Именно поэтому ты здесь. — и снова звенящая тишина в трубке. Всего на пару секунд, но они давят сильнее, чем целая речь. — Ты справишься. Я в тебе не сомневаюсь.

Я ничего не ответила.

— Отдохни сегодня, скоро тебе понадобится ясная голова. — сказал Халид и положил трубку.

Связь оборвалась. А я медленно, будто заторможенная опустила телефон на стол. Тишина в квартире окутала меня своим одеялом — плотным, тяжелым. Я вернулась к окну и, зашторив его, включила свет. Надо переодеться и изучить документы на «Шахов корпорейтед». Надо подготовиться ко встрече с Кириллом. В ванной, где я нахожу домашний костюм из велюровой, чуть бархатной ткани, я смываю макияж и наношу маску. Я должна выглядеть на двести процентов. Отражение в зеркале будто стало мягче. Теперь там не выверенная, холодная, правильная Анна Власова, но и не Арина. Там я — настоящая, без масок, но я пока не знаю, как зовут эту женщину.

Я смотрела себе в глаза, пытаясь понять, кого там вижу и вдруг поняла: это станет известным, только когда я выполню последнее задание контракта.

— Он не узнает, — произнесла я твердо, как факт, так, чтобы поверить в это самой.

Внутри на долю секунды что-то сжалось. А если узнает?

По взгляду, паузам, по тому, как я буду смотреть на него, когда забудусь.

Я медленно выдохнула и сказала себе, напутствуя:

— Ты не забудешься, ты не дашь слабины, ты справишься!

Ночь обещала быть долгой. Нужно было перепроверить кучу документов, чтобы было чем оперировать в разговоре. Впервые за долгое время я поняла: дело не в этом задании.

Дело в том, что в этой игре у меня есть слабое место.

И его имя — Кирилл.
Что ж, придется постараться, подготавливаясь к встрече, но я обязательно справлюсь!

Воспоминания. Часть 11. Первая встреча

Макс позвонил через три дня. Я знала, что он позвонит. Не сомневалась ни секунды. Но когда телефон завибрировал на столе и высветилось его имя, я все равно сделала паузу. Три секунды — ровно столько, чтобы выдохнуть и «надеть» нужную маску.

— Анна. — голос звучал уверенно, почти небрежно, как у человека, который привык, что ему рады. — Кирилл Сергеевич готов познакомиться с вами лично завтра, в одиннадцать. Если вам удобно, конечно.

«Если вам удобно». Он же понимал, что мне будет удобно даже в полночь.

— Буду, — ответила я ровно.

Короткая пауза. Я поняла, что он улыбается.

— Отлично. Я встречу вас на ресепшн.

Я положила трубку и долго смотрела в окно на серый московский двор. Внизу бегала та же детвора, та же женщина катала по тротуару коляску, тот же мужчина на балконе соседнего дома стоял с сигаретой в руках.

Кирилл. Завтра в одиннадцать.

Я закрыла глаза и медленно досчитала до пяти.

***

Я приехала к офису Шахова за двадцать минут. Сидела в машине и ждала ровно пятнадцать из них. Последние пять шла к входу — неторопливо, с прямой спиной, с папкой в руке. Тонкие шпильки каблуков отбивали по мрамору холла четкий, уверенный ритм.

Макс уже стоял у стойки ресепшн. В этот раз он был в костюме — темно-сером, который отлично на нем сидел.

Он увидел меня сразу. Я улыбнулась приветливой, но очень короткой улыбкой, отмечая: он не просто посмотрел, он оценил меня, и задержался взглядом на долю секунды дольше, чем требовала вежливость.

— Анна. — он шагнул навстречу и протянул руку.

— Макс. — я пожала ладонь в ответ коротко и уверенно.

— Вы точны, — сказал он с легкой усмешкой.

— Всегда.

Мы поднялись в лифте молча. Макс стоял чуть ближе, чем в прошлый раз. Я этого не поощрила, но и не отстранилась. Просто смотрела на цифры над дверью, пока те сменяли друг друга.

— Кирилл Сергеевич хочет поговорить лично, — сказал он, когда двери открылись. — Не в переговорной, а в кабинете.

— Хорошо.

— Он не любит долгих вступлений, — добавил Макс. — Но вы, я думаю, тоже.

Я позволила себе коротко взглянуть на него.

— Угадали.

Он снова усмехнулся. И я поняла, что «случайно» оброненный лист сработал и не выходил из его головы все это время. Он думал обо мне эти три дня, я была в этом уверена. Думал не только, как мужчина, но и как человек, привыкший просчитывать людей. И это в будущем делало его опасным, но пока работало на меня.

Мы шли по коридору офиса, а я вспоминала этот путь. Те же стены, только таблички с фамилиями другие. Другие люди за стеклянными перегородками. Пять лет назад я шла по этому коридору совсем иначе — с горящими щеками, с блокнотом под мышкой, с наивной

гордостью за то, что попала в такую компанию. Тогда мне казалось, это — начало. Оказалось, это было начало совсем другой истории.

Макс остановился у двери в конце коридора. Кабинет Шахова был там же, в этом он постоянен, усмехнулась я про себя. В отличие от женщин, которых он менял как перчатки. Макс постучал и, не дожидаясь ответа, приоткрыл и жестом пропустил меня вперед.

Я вошла.

Кабинет был большим и светлым, с совсем свежим ремонтом. Стекло, металл, дорогое дерево — все говорило о власти, к которой давно привыкли и перестали ее демонстрировать. За огромным столом у окна сидел мужчина. Он не поднял голову сразу. Дочитывал что-то на экране. Дал себе эти несколько секунд не из невежливости, я поняла сразу, а из привычки контролировать момент и диктовать темп коммуникации.

Я стояла спокойно и ждала, пока Шахов повернет голову. Папка с предложением — в левой руке, в правой — сумка с ноутбуком. Он наконец поднял взгляд.

Внутри меня в одну секунду все сжалось.

Кирилл. Те же серые глаза, та же линия скул, та же усмешка, которая жила в уголках губ, даже когда он оставался серьезным. Он почти не изменился. Лишь чуть жестче стали черты лица, и чуть больше уверенности появилось в том, как он сидел. Но он все равно оставался собой, человеком, которого я когда-то любила и ненавидела, чьего ребенка носила под сердцем.

Я смотрела на него ровно и спокойно, точно так же, как смотрела на всех остальных. Но это потребовало от меня напряжения всех сил, которыми я только обладала.

Шахов поднялся из своего кресла. Он был высоким. Я это помнила, но успела забыть. Он пересек кабинет неторопливо, и я наблюдала за каждым шагом боковым зрением, не позволяя взгляду стать слишком внимательным.

— Кирилл Сергеевич, — представился он и протянул руку.

— Анна Власова. — я пожала теплую ладонь. — «Нордлайн Капитал».

Его рукопожатие было твердым и уверенным. Я выдержала ровно столько, сколько требовал этикет, ни секундой больше.

— Макс говорил о вас, — сказал он, указав на кресло напротив стола. Голос — низкий, спокойный, тот самый. — Присаживайтесь.

— Только хорошее, надеюсь, — ответила я без улыбки, но достаточно легко, чтобы это прозвучало уверенно, а не сухо.

Кирилл усмехнулся, он любил, когда люди шутят. Сел напротив, сцепил пальцы. Я успела заметить кольцо по-прежнему на правой руке. То самое, которое носил и раньше. Семейное, с гербом.

— Зависит от того, что считать хорошим.

Макс занял место чуть в стороне — не за столом, а у окна. Скрестил руки. Я краем глаза зафиксировала его позицию. Он наблюдал за нами обоими, но больше — за мной.

— Максим Игоревич сказал, что у вас есть предложение, которое стоит моего времени, — произнес Кирилл. — Это высокая планка, он редко так говорит.

Я коротко взглянула на Макса. Тот слегка приподнял бровь, едва заметно. Почти как подтверждение.

— Ценю его осторожность в словах, — ответила я и открыла папку. — Тогда не буду тратить ваше время на предисловия.

Он кивнул. Откинулся в кресле. И посмотрел на меня так, как умел смотреть только он — внимательно, чуть изучающе, как будто за словами его интересовало что-то еще.

Я почувствовала сразу, что он заинтересован. И потому говорила ровно, смотрела в бумаги чуть чаще, чем обычно, и выбирала формулировки точнее, чем на любой другой встрече. Я рассказывала о предложении. О цифрах, о сроках, о перспективах проекта. Это была настоящая аналитика — Халид всегда работал чисто. Я знала материал безупречно, и

это чувствовалось в каждой фразе. Кирилл слушал и в конце задал только два уточняющих вопроса — коротких и точных. Это были не вопросы человека, который сомневается. Это были вопросы человека, который проверяет.

— Вы давно в этой сфере? — спросил он в какой-то момент, когда я закончила основной блок.

— Достаточно, — ответила я.

— Конкретнее?

Я подняла взгляд и встретилась с ним глазами.

— Пять лет активной практики. До этого — смежные направления.

Он помолчал секунду. Его взгляд скользнул по мне — быстро, привычно, так, как он смотрел на всех женщин. Я это знала. Я это помнила. И именно поэтому не позволила себе никакой реакции.

— Странно, — сказал он вдруг, чуть медленнее.

Я не шелохнулась.

— Что именно?

Он смотрел на меня еще секунду. Потом чуть качнул головой, будто отгоняя мысль.

— Ощущение, что мы уже где-то пересекались.

Внутри что-то острое и холодное прошло от горла до желудка.

Я позволила себе легкую, почти небрежную паузу. Ровно такую, которая не говорила ни о чем.

— Возможно, деловой мир довольно тесен.

— Возможно, — повторил он и медленно отвел взгляд.

Макс у окна чуть сдвинулся. Я боковым зрением поймала его взгляд — внимательный, острый. Он тоже заметил эту паузу. Я вернулась к документам.

— Если говорить о следующем шаге, — произнесла я ровно, — нам потребуется ваше решение до конца недели. Фонд рассматривает еще одну позицию в этом секторе.

Кирилл чуть сощурился. Это был не ультиматум, а лишь информация к размышлению. Но он понял все правильно, именно так, как я хотела.

— Вы умеете расставлять приоритеты, — сказал он.

— Я умею считать время, — ответила я. — Свое и чужое.

Он посмотрел на меня иначе, не так, как смотрел в начале встречи. Там был автоматический интерес мужчины к женщине. Теперь же добавилось что-то более пристальное, более личное. Не желание, нет. Пока лишь любопытство. То, которое бывает, когда человек не может тебя сразу прочитать.

Именно этого я и добивалась.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Я дам ответ до пятницы.

— Благодарю.

Я закрыла папку и встала. Он поднялся одновременно со мной автоматически, из той воспитанности, которая была в нем всегда. Мы обменялись коротким рукопожатием еще раз. Его взгляд задержался. На это понадобилось не дольше двух секунд, но я почувствовала.

— До пятницы, — сказал он.

— До пятницы, — повторила я и повернулась к выходу.

Макс проводил меня до лифта. Мы шли по коридору, и я понимала, что он не просто молчит, а думает. Это было особое молчание, с весом.

У лифта он остановился и нажал кнопку вызова.

— Вы произвели впечатление, — сказал он негромко.

— На вас или на него? — спросила я без интонации, глядя на индикатор этажей.

Он усмехнулся.

— На обоих, что греха таить.

Двери открылись. Я шагнула внутрь и обернулась. Макс стоял, держа руки в карманах. Смотрел с тем же выражением, что и три дня назад в переговорной. Будто я была задачей, которую он не мог решить с первого раза и именно поэтому не мог перестать обо мне думать.

— Буду ждать звонка, — сказала я.

Двери закрылись и лифт медленно пополз вниз, набирая скорость постепенно.

Я смотрела на свое отражение в полированном металле и медленно, очень медленно выдыхала. Руки не дрожали. Голос не дрогнул ни разу. Я не перепутала ни одного слова.

Кирилл Шахов сидел в метре от меня и не узнал во мне Арину. Я должна была почувствовать облегчение. Но то, что я почувствовала, называлось совсем иначе. И с этим мне еще предстояло разобраться, когда я буду одна, в тихой квартире с видом на чужой двор.

***

Халид позвонил через час после моего возвращения на квратиру.

— Ну? — спросил коротко.

— Все по плану, — ответила я.

— Он заинтересовался?

Я помолчала секунду, вспоминая пристальный долгий взгляд Шахова.

— Да, думаю, да, нет, почти уверена.

— Хорошо.

Он собирался положить трубку, но я успела.

— Халид.

— Да?

— А если он вспомнит?

Тишина была долгой.

— Пока не вспомнит — это не имеет значения, — произнес он наконец. — Просто работай быстрее.

Связь оборвалась. Я убрала телефон и долго смотрела в окно на мелькающий город. Где-то в этом городе Кирилл Шахов возвращался в свой кабинет и думал обо мне. Я была в этом уверена. Только он пока не знал, о ком именно он теперь думает.

Воспоминания. Часть 12. Звонок

Два дня я жила в режиме ожидания. Оно было не тем ожиданием, которое выматывает и заставляет каждые пять минут смотреть на экран телефона. Халид вытравил из меня эту привычку ещё в первый год долгими заданиями, где результат мог прийти через неделю, а мог не прийти вовсе. Я научилась ждать иначе: заполняя время так плотно, чтобы для тревоги просто не оставалось места.

В первый день я занялась гардеробом.

Это была не прихоть и не отвлечение. Это была работа. Анна Власова, представитель серьёзного инвестиционного фонда, должна была выглядеть определённым образом. Не ярко и не вызывающе. Дорого и сдержанно, с той долей индивидуальности, которая запоминается, но не раздражает. Именно такой стиль вызывает доверие у мужчин вроде Кирилла — тех, кто умеет читать людей по деталям, акцентам, аксессуарам.

Я объездила несколько магазинов в центре. Выбирала долго, придирчиво, как будто от этого зависело что-то большее, чем просто одежда. Два костюма — тёмно-синий и графитовый. Три блузки. Одно платье на случай, если формат встречи сменится на неформальный. Туфли на устойчивом каблуке — достаточно высоком, чтобы добавлять уверенности, достаточно удобном, чтобы не думать о них во время разговора.

На кассе я поймала себя на том, что выбираю цвета, которые когда-то нравились Кириллу. Тёмные, холодные оттенки. Ничего тёплого, ничего мягкого. Я положила обратно серо-голубую блузку и взяла белую.

Во второй день я гуляла. Просто шла по городу без маршрута: вышла из метро на Чистых прудах и двинулась в сторону Покровки по бульвару, взяла кофе в «Бруснике», потом прошла по Яузскому бульвару, свернула к Яузе, откуда мне открылся открыт очный вид на высотку на Котельнической, потом долго шла вдоль набережной, держа в руках стакан с кофе. Москва в апреле пахла мокрым асфальтом и набухшими почками. Забавно, раньше я думала, что почки не могут пахнуть, но много лет совсем в другом климате показали мне, как я ошибалась. Запах распускающийся зелени и цветов просто обрушился на меня. Люди бежали мимо по своим делам, не замечая брюнетку в джинсах, футболке и лёгкой курточке, и это было хорошо. В такие моменты я умела думать эффективнее всего. Когда тело занято движением, а вокруг достаточно шума, чтобы заглушить внутренний разлрай, отлично вырабатывать стратегии.

Я думала о жучке.

Точнее, о том, как именно я буду его устанавливать. Устройство было небольшим, плоским, с магнитным креплением. Халид передал его через курьера ещё накануне первой встречи, в той же коробке с минеральной водой и таблетками, будто это была просто ещё одна мелочь из доставки. Я тогда повертела его в руках и убрала в боковой карман сумки. Место под столешницей в кабинете Кирилла я приметила ещё во время первого визита — слепая зона для камер, металлическая рама, которая служила подствольным и к которой магнит прилипнет без характерного звука.

Вопрос был только в моменте. В том, чтобы движение было естественным. Чтобы не было ни секунды заминки, ни лишнего взгляда вниз.

Я прокрутила это в голове раз двадцать, пока шла вдоль реки в сторону Зарядья. К тому времени, как добралась до скамейки у воды под парящим мостом и допила кофе, движение было отработано до автоматизма.

Я позволила себе ещё несколько минут просто сидеть. Смотреть на воду. Не думать о Кирилле. Не думать об Арине, которая когда-то тоже гуляла по этому городу — влюблённая, растрёпанная, с горящими щеками. Та девушка умерла давно. И, если честно, хорошо, что умерла. Она бы не справилась.

***

Звонок раздался на третий день, в половину двенадцатого утра. Я сидела за столом с чашкой кофе и просматривала финансовую отчётность «Шахов Корпорейтед» за последние два года — материалы, которые Халид передал вместе с досье. Цифры были интересными. Не в том смысле, в каком они интересны аналитику, а в том, в каком интересны хирургу, изучающему снимок перед операцией. Там были слабые места. Они были скрыты от посторонних глаз, аккуратно упакованы в дипломатичные формулировки, но они были.

Телефон завибрировал, и я посмотрела на экран.

Макс.

Я отложила бумаги. Сделала глоток кофе из смешной кружки с рисунком авокадо, которую купила вчера в супермаркете. Ответила на третьем звонке.

— Анна, здравствуйте! — сказал безопасник Шахова. Голос был ровным, деловым, но я уже умела слышать то, что под этим. — Есть хорошие новости.

— Слушаю.

— Кирилл Сергеевич изучил материалы. — пауза — короткая и почти незаметная. — Предложение его заинтересовало. Он готов двигаться дальше.

Я смотрела в окно на серое апрельское небо и чувствовала, как что-то внутри, холодное и тяжёлое, сдвигается с места.

— Рада слышать, — ответила я спокойно.

— Он хотел бы встретиться. Обсудить детали лично. — Снова пауза. — Я тоже буду на встрече, если вы не против.

Я отметила это «если вы не против». Макс не спрашивал разрешения у Кирилла присутствовать на встрече своего же шефа. Он спрашивал у меня.

— Конечно, — сказала я. — Когда вам удобно?

— Послезавтра, в два, снова у нас.

— Хорошо, я буду.

Он не повесил трубку сразу. Я это почувствовала по тишине — живой, с дыханием.

— Анна, — сказал он после секунды. — Кирилл редко соглашается так быстро.

— Значит, предложение убедительное, — ответила я.

— Значит, — согласился он. Но в его голосе было что-то, что не относилось к предложению фонда совсем.

Я улыбнулась, но не для него, ведь он не мог видеть. Для себя.

— До послезавтра, Макс.

— До послезавтра.

Я положила трубку и несколько секунд просто смотрела на телефон, лежащий на столе.

Кирилл согласился.

Это был не триумф. Триумф будет, когда все останется позади. Сейчас всё только начиналось, и я знала это лучше, чем кто-либо. Но механизм операции провернулся на один щелчок вперёд, и этот звук был тихим, почти неслышимым, но очень точным.

Я встала и подошла к окну. Внизу во дворе женщина с коляской остановилась у лавочки и достала телефон. Рядом бегал мальчик лет четырёх в красной куртке, смешной шапке с помпоном. Он что-то кричал матери и смеялся.

Я подумала о Ляльке.

Вспомнила её голос по видеосвязи три дня назад — тонкий, с этим её смешным придыханием на букве «р», которую она всё ещё не выговаривала до конца. «Мама, а ты скоро пгиедешь?» Я сказала — скоро. Она поверила. Она всегда верила.

Я отвернулась от окна. Нельзя. Не сейчас. Потом.

Я вернулась к столу, взяла ручку и чистый лист. Написала сверху: «Встреча. Послезавтра, 14:00». Ниже — несколько коротких пунктов. Что взять. Что сказать. Чего не говорить. Где встать, где сесть. Как долго задержаться после того, как разговор закончится.

И отдельно, обведя кружком: устройство. Я посмотрела на этот кружок. Может, это было лишним, но я прописала все детали ручкой, как будто зафиксировала чистую идею на материальной поверхности.

Кирилл Шахов сидел в своём кабинете с панорамными окнами и, возможно, в эту самую минуту думал, что принял правильное деловое решение, и что перспективный фонд — это хорошая возможность для его фирмы, а представитель этого фонда — интересная женщина, с которой будет не скучно работать.

Он не знал, что его кабинет уже ждёт, что следующая встреча будет последним шагом перед тем, как его тишина перестанет быть только его.

Я убрала лист в папку, допила холодный кофе и пошла готовиться. До послезавтра было ещё достаточно времени. Но я никогда не позволяла себе тратить его впустую.

Воспоминания. Часть 13. Жучок

На этот раз я приехала за десять минут до встречи. Не за двадцать, как в прошлый раз. Ровно столько требовалось, чтобы собраться у входа, проверить сумку и убедиться, что устройство лежит там, где должно — в боковом кармане, за визитницей. Плоское и холодное, размером с крупную монету. Я не стала доставать его и проверять лишний раз. Я проверила его утром. Этого было достаточно.

Макс встретил меня в холле, он снова стоял у стойки, на этот раз в тёмно-синем костюме. Он улыбнулся, когда увидел меня, и в этой улыбке было чуть больше, чем полагалось при деловой встрече.

— Анна, приветствую. — он протянул руку.

— Макс. — я пожала ее в ответ. — Как всегда, точно в назначенное время.

— Стараюсь соответствовать, — сказал он и задержал взгляд на мне, на секунду дольше, чем нужно.

Я сделала вид, что не заметила, потому что именно так и должна была реагировать Анна Власова — женщина, которая привыкла к подобным взглядам и не придаёт им значения.

Мы поднялись в лифте. Макс стоял ближе, чем в прошлый раз. Совсем чуть-чуть, всего на несколько сантиметров. Этого не заметил бы никто, но я отметила эту важную деталь. Он осторожничал, но интерес был сильнее.

— Кирилл уже ждёт, — сказал он, когда двери открылись. — Он просмотрел все материалы. Вопросы есть, но общий настрой — позитивный.

— Рада слышать.

— Он редко читает документы сам, — добавил Макс, и в его голосе мелькнуло что-то близкое к зависти. — Обычно делегирует аналитикам.

Я кивнула, не отвечая. Это была очень ценная информация, которую он мне дал, не знаю, намеренно или нет. Кирилл изучил материалы лично. Значит, я занимала в его голове больше места, чем просто очередная деловая встреча.

Это хорошо.

Мы дошли до кабинета. Макс постучал, как и в прошлый раз, и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

Кирилл стоял у окна спиной к нам, руки в карманах, взглядом упершись куда-то в панорамное окно, в город внизу. Когда мы вошли, он медленно, без спешки повернулся, как человек, который никогда никуда не торопится, потому что привык, что мир подстраивается под его темп.

— Анна, — сказал он. Просто имя без «добрый день», без формальностей. Будто мы уже давно знакомы.

— Кирилл Сергеевич. — Я протянула руку.

Он ее осторожно пожал, глядя при этом на меня — внимательно и спокойно. Но я снова почувствовала то же, что и при знакомстве — что-то было в глубине этого взгляда, что он сам, возможно, не мог бы объяснить.

— Можно просто Кирилл.

Я кивнула, принимая его правила игры. Он сделал лишь маленький шаг, но это было не просто формальностью, это стало еще одной ступенькой к моей цели.

Мы сели. Я — напротив Шахова, Макс — сбоку. Та же расстановка, что в прошлый раз. Я открыла папку, достала обновлённые расчёты, скорректированные под профиль компании Кирилла.

— Я изучил ваше предложение, — сказал он, откидываясь в кресле. — Есть несколько моментов, которые хотел бы прояснить.

— Для этого я здесь.

Он задавал вопросы точно, без лишних слов, без попыток произвести впечатление осведомлённостью. Он просто хотел понять то, что касалось ему неясным. Это была та черта в нём, которую я помнила ещё с тех времён, когда смотрела на него совсем другими глазами. Кирилл никогда не изображал знание там, где его не было. Он всегда спрашивал открыто. Это делало его опаснее, чем тех, кто прячет незнание за апломбом.

Я отвечала чётко, без лишней воды. Когда он уточнял, то коротко поясняла, не разжёвывая. В этом не было смысла, Шахов только разозлится, если ему не дадут понять самому.

Макс периодически вставлял реплики — по делу, но с оглядкой на меня. Я чувствовала, как он наблюдает за нами обоими — тихо, боковым зрением, не демонстрируя намерения. Он был профессионалом, и именно поэтому недооценивать его не стоило.

Прошло около двадцати минут.

— Подождите, — сказал Макс и достал вибрирующий телефон. Взглянул на экран и поднялся со своего места. — Прошу прощения, нужно ответить. Это займет две минуты.

Он торопливо вышел, прикрыв за собой дверь.

Мы остались вдвоём. Кирилл не сразу посмотрел на меня. Сначала перелистнул страницу в документах, и только потом поднял взгляд.

— Вы давно работаете с этим фондом? — спросил он, как бы невзначай.

Вопрос был простым. Мы уже касались этого в прошлый раз.

— Достаточно, — ответила я уклончиво, так же, как тогда.

Он чуть усмехнулся.

— Вы всегда так отвечаете на вопросы, если не хотите отвечать?

— Потому что они всегда задаются не за этим.

Шахов помолчал секунду. В этот момент он смотрел на меня с выражением, которое я за долгие пять лет научилась распознавать: когда человек решает, насколько далеко готов зайти.

— За чем же? — спросил он с интересом, подперев подбородок левой ладонью.

Я встретила его взгляд спокойно.

— За тем, чтобы понять, кто я. — я чуть склонила голову. — Но это невозможно узнать из резюме.

Он смотрел ещё одну секунду, которая показалась мне вечностью. Потом медленно кивнул, но не соглашаясь, а будто просто принимая к сведению.

— Пожалуй, — сказал он.

В кабинете было тихо. За панорамным окном жил своей жизнью город — сквозь толстое стекло беззвучный, как картинка в немом кино. Кирилл смотрел на меня так, что я почувствовала в этом взгляде не только интерес делового человека к интересному партнёру. Возможно, он не мог ещё даже выразить словами это чувство — просто что-то глубже, смутнее, но пока еще без чёткого контура.

Именно тогда я наклонилась к своей папке. Движение было простым. Я сделала вид, что ищу нужный лист. Увлеченно перебирала страницы, чуть сдвинувшись на стуле. Левая рука скользнула вниз вдоль сумки, которая стояла на соседнем стуле совсем рядом со мной.

Пальцы нашли жучок мгновенно, не зря я сотню раз тренировалась доставать его. Я продолжала перебирать документы правой рукой. Ровным и спокойным голосом сказала:

— Здесь есть таблица, которая отвечает на ваш предыдущий вопрос по логистике…

Щелчок был мягким, почти неслышимым. Магнит предполагала, отрабатывая каждое движение вчера на набережной. Я выпрямилась, достала нужный лист и положила его перед Кириллом. Сердце не ускорилось ни на удар, продолжало биться ровно, будто я просто отодвинула ненужный карандаш на край стола, чтобы не отвлекаться на него.

— Вот здесь, — сказала я, указывая на график. — Польские партнёры обещают закрыть этот риск полностью.

Кирилл наклонился к документу. Я смотрела на его сосредоточенное лицо. Когда он думал, на лбу появлялась складка между бровями. Когда-то мне хотелось её разгладить. Теперь я просто фиксировала эмоции на его лице.

Дверь в кабинет отворилась. Вернулся Макс. Быстро окинул нас взглядом, я почувствовала это даже боковым зрением. Он смотрел чуть внимательнее, чем следовало бы человеку, который просто вернулся после важного звонка. Заметил ли он появившееся напряжение между нами?

— Продолжаем? — спросил он, усаживаясь на свое место.

— Уже заканчиваем, — ответил Кирилл, не отрываясь от графика. — Всё выглядит убедительно.

Шахов оторвал взгляд от бумаг.

— Я готов двигаться дальше. Юристы свяжутся с вами до конца недели для согласования договора.

— Отлично, — сказала я ровно.

Мы встали и обменялись рукопожатиями — сначала я и Кирилл, потом мы с Максом. Шахов держал мою руку чуть дольше, чем в прошлый раз. Это снова укладывалось в этикет, но все же становилось заметным не только нам двоим. Однако я сделала вид, что ничего не произошло.

— Анна, — сказал он, когда я уже взяла папку с документами. — Надеюсь, это будет интересное сотрудничество.

Я позволила себе очень лёгкую, почти невесомую улыбку.

— Я тоже на это рассчитываю.

Макс проводил меня до лифта.

— Всё прошло хорошо, — сказал он хрипло у лифта.

— Да.

— Кирилл доволен. — пауза. — Это видно.

Я нажала кнопку вызова и повернулась к нему.

— Вам лучше знать.

— Так точно, — ответил он моей же интонацией.

Я чуть приподняла бровь, как будто удивляясь. Максим в ответ усмехнулся.

Двери лифта открылись, пора было прощаться.

— До связи, Макс.

— До связи, Анна.

***

В квартире на Тульской было тихо.

Я сняла пальто, поставила сумку на пуфик в прихожей и достала ноутбук и наушники. Выудила из неприметной коробки из-под доставки небольшой приёмник, который Халид передал с курьером вместе с устройством. Села поудобнее на диван, закинув ноги на подушку, и закрыла глаза на секунду, приготовившись слушать. Потом открыла ноутбук и в специальной программе открыла запись разговоров. Нашла ту, что была сразу после моего ухода. Вдохнула поглубже и нажала воспроизведение.

Сначала в динамиках была тишина. Потом я услышала звук закрывающейся двери и шаги. Потом совсем рядом с жучком раздался чёткий голос Макса. Он говорил без предисловий:

— Ну?

Пауза. Скрип кресла. Видимо, это Кирилл сел.

— Интересная женщина.

— Я же говорил.

Снова пауза. Она была чуть длиннее предыдущей.

— Ты говорил про фонд, — сказал Кирилл. — Не про неё.

Молчание Макса затянулось на секунду дольше, чем нужно.

— Одно другому не мешает.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. В наушниках снова была пауза. Потом голос Кирилла сказал тише, как будто задумчиво:

— Где-то я её видел.

— В смысле?

— Не знаю, просто ощущение.

Я медленно выдохнула, пытаясь сдержать эмоции, но внутри неожиданно поднималась волна. Где-то видел? Всего лишь? Я должна была порадоваться, что он не вспомнил меня, но сам факт этого неожиданно больно ударил по моему самолюбию.

А за окном темнел апрельский вечер, которому было абсолютно все равно на то, что где-то в этом мире один человек снова окунулся в воспоминания о том, как его предал другой, хотя должен был любить, носить на руках и заботиться.

Воспоминания. Часть 14. Пропуск

Юристы «Шахов Корпорейтед» оказались именно такими, какими я их и представляла. Их было двое. Оба в одинаково тёмных костюмах, оба с одинаково непроницаемыми лицами и одинаково тяжёлыми папками на столе. Старший, Виктор Андреевич, мужчина лет пятидесяти с аккуратной сединой и привычкой смотреть на собеседника поверх очков, говорил мало и по делу. Младший, парень примерно моего возраста, молчал почти всё время и только делал пометки в блокноте быстрым, мелким почерком.

Мы сидели в переговорной, не В-12, а другой, поменьше, без вида на город, чтобы ничего не отвлекало от рабочих задач. Просто стол, стулья, графин с водой и стопка документов между нами.

Я читала каждый пункт внимательно. Не торопясь и не делая вид, что спешу. Виктор Андреевич это оценил: я поняла это по тому, как он перестал барабанить пальцами по столу примерно на второй странице. Договор был составлен грамотно. Местами жёстко, ограничивая в правах, но грамотно — все в духе Кирилла. Никакой воды, никаких размытых формулировок. Каждое слово стояло на своём месте и означало ровно то, что должно было.

Я внесла три правки. Небольших, но принципиальных. Они касались сроков отчётности и порядка расторжения договора. Виктор Андреевич выслушал, помолчал, потом кивнул.

— Приемлемо. Согласую с Кириллом Сергеевичем.

— Благодарю.

Мы пожали друг другу руки. Младший юрист собрал бумаги. Всё обсуждение заняло чуть меньше часа.

Я как раз выходила из переговорной, когда в конце коридора появился Макс. Он шёл неторопливо, держа в руках небольшой конверт. Увидел меня и улыбнулся. Не той дежурной улыбкой, которой встречают просто деловых партнёров, а какой-то другой, чуть теплее что ли.

— Анна, приветствую, вы как раз вовремя.

— Вы следили за расписанием? — спросила я легко.

— За вашим, да, — ответил он без тени смущения. — Это — моя работа.

Я позволила себе коротко взглянуть на конверт в его руках.

— Это то, о чём я думаю?

— Пропуск. — он протянул конверт. — Постоянный, на ближайшие три месяца. Доступ на этаж компании и в переговорные зоны. Кирилл Сергеевич распорядился оформить заранее.

Я взяла конверт. Внутри — пластиковая карточка с моим именем и фотографией. Фото было взято с камеры при входе во время первого визита.

— Оперативно, — сказала я и добавила, — неплохое качество камер.

— Вы и в этом разбираетесь? Мы стараемся. — Макс убрал руки в карманы. — Есть несколько минут? Хотел бы провести короткий инструктаж. Формальность, но положено.

— Конечно.

Мы прошли в небольшой кабинет в конце коридора. Это было явно его рабочее пространство, а не переговорная. Ничего лишнего — стол, два кресла, шкаф с папками. На столе монитор с открытыми окнами камер наблюдения, телефон и стакан с ручками. Никакого лишнего декора. Рабочее место человека, который не отвлекается на мелочи.

Я отметила расположение камер на мониторе. Сделала это быстро, не задерживая взгляд.

Макс закрыл за нами дверь и сел напротив.

— Значит так, — начал он деловым тоном. — Пропуск даёт доступ с девяти до восьми вечера. Если вам понадобится приехать в другое время, то звоните мне, согласуем. Номер у вас уже есть. Парковочное место на втором уровне, скажете на въезде фамилию. Переговорные бронируются через секретаря на ресепшн, Алина вас уже знает.

Я слушала, кивала, делала вид, что запоминаю детали, которые давно уже знала.

— Если будут гости с вашей стороны, — продолжал Макс, — список заранее присылайте на мою почту, вот ее адрес.

Макс записал на стикере адрес корпоративной почты и подвинул листок мне.

— Хорошо. — я зацепила листок со стола и убрала в папку.

Макс помолчал секунду. Формальная часть явно закончилась, но он не торопился вставать.

— Вы первый раз работаете с российскими компаниями такого уровня? — спросил он.

Вопрос был простым. Я бы сказала так: слишком простым для человека, который наверняка уже пробил меня по всем доступным базам.

— Нет, — ответила я, — но каждая компания имеет свои особенности.

— Это точно. — Он чуть наклонил голову. — «Шахов Корпорейтед» — особенно.

— В каком смысле?

— В том, что Кирилл Сергеевич редко подпускает внешних партнёров так близко. — повисла намеренная пауза. — Вы произвели впечатление.

— Предложение произвело впечатление, — поправила я мягко.

Макс усмехнулся.

— И предложение тоже.

Я встретила его взгляд спокойно. Он смотрел, как и в прошлые разы изучающим, чуть азартным взглядом. Так смотрят люди, которые привыкли разгадывать людей и злятся, когда это не удается сразу. Его выдал не взгляд, а быстрое постукивание пальцами по столешнице.

— Макс, — сказала я после короткой паузы. — Вы хотите кофе предложить, но не решаетесь?

Он на секунду опешил. Потом рассмеялся — коротко, искренне.

— Настолько очевидно?

— Только для внимательных людей, — сказала я и повертела кольцо из платины на пальце. Пусть думает, что я пытаюсь занять руки.

Петров встал.

— Тогда пойдёмте. Здесь на третьем этаже есть нормальная кофемашина. Не та бурда, что предлагают на ресепшн бизнес-центра.

Кофемашина, действительно, была хорошей. Мы сидели в небольшой зоне отдыха — несколько кресел, журнальный столик, стеллаж с книгами у окна во внутренний двор. В это время здесь было почти пусто: один мужчина с ноутбуком в углу и больше никого.

Макс принёс два американо и поставил передо мной без вопросов. Запомнил с первой встречи: я тогда отказалась от воды и попросила кофе у секретаря. Мелочь, но он запомнил. Стоило это отметить.

— Расскажите про фонд, — сказал он, откидываясь в кресле. — Не то, что есть в презентации, а, например, как вы туда попали?

— О, это — долгая история.

— У нас есть время.

Я взяла чашку и сделала глоток.

— Случайно, — сказала я. — Как всегда бывает с важными вещами.

— Случайно — это как?

— Нужная встреча в нужный момент. — Я пожала плечами. — Предложение, от которого не отказываются.

Он смотрел внимательно. Пытался понять, где в этом ответе правда, а где — нет. Я видела эту работу ума в его глазах.

— Вы не любите рассказывать о себе, — вынес он наконец вердикт.

— Я люблю рассказывать то, что важно, — ответила я. — Остальное — лишний шум.

— А что важно?

Я посмотрела на него прямо.

— Результат. И то, как люди ведут себя, когда думают, что они в одиночестве.

Макс чуть прищурился.

— Это профессиональное?

— Абсолютно.

Он помолчал секунду, потом усмехнулся, но иначе, чем обычно, чуть задумчивее, а не привычной усмешкой человека, который контролирует разговор.

— Знаете, — сказал мужчина, — я давно не разговаривал с человеком, которого не могу прочитать с первого раза.

— Это комплимент?

— Констатация факта. — Петров поднял чашку. — В моей работе это редкость.

— В моей тоже, — дипломатично сказала я.

Мы помолчали, но в этом молчании не было неловкости. За окном по небу плыли тяжелые облака, обещая скорый дождь. Кофемашина в углу тихо гудела.

— Кирилл будет работать с вами лично, — сказал Макс после паузы. Голос его стал чуть ровнее. — Он так решил.

— Знаю, юристы на встрече упомянули.

— Это значит, плотный контакт. Встречи, звонки, документы. — он смотрел на меня пристально. — Он умеет быть… настойчивым.

Последнее слово прозвучало аккуратно, почти нейтрально, но я услышала то, что скрывалось за ним.

— Я умею работать с настойчивыми людьми, — ответила я так же ровно.

— Не сомневаюсь. Просто предупреждаю.

— Ценю, — сказала я.

Он допил кофе и поставил чашку. Посмотрел на меня ещё с секунду с выражением профессиональной настороженности, личного интереса и чего-то третьего, чему он сам, кажется, ещё не дал названия.

— Анна, — сказал он.

— Да.

— Если вам что-то понадобится в компании, любой вопрос, любая сложность, звоните мне напрямую. Не через секретаря, не через юристов, а лично мне.

Я посмотрела на него.

— Это тоже часть инструктажа?

Он чуть улыбнулся.

— Нет, это уже личная инициатива.

Я кивнула. Встала и взяла сумку.

— Спасибо за кофе, Макс.

— Всегда пожалуйста.

Я пошла к выходу. У поворота к лифтам остановилась и обернулась, потому что знала: он смотрит. Так и было.

— До следующего раза, — сказала я.

Он молча кивнул. И в этом молчании было куда больше, чем в любом ответе.

***

В такси я достала пропуск из конверта и повертела в руках. За пять лет дизайн пропуска успел измениться. Сейчас на нем красовался логотип компании — графичные Ш и К, пересекающиеся друг с другом в тонко очерченном круге. Пластиковая карточка с моим именем. С чужим именем Анна Власова, написано чётким шрифтом, с которым за пять лет я успела смириться. Женщина, которой нет.

Я убрала карточку обратно.

За окном тянулась Москва — плотная, шумная, живая. Я смотрела на неё и думала о Максе. О том, как он предупреждал меня насчёт Кирилла. Тщательно подобранные слова, ровный голос, взгляд чуть в сторону — всё это был не инструктаж и не забота.

Два умных, осторожных человека, они оба думали, что ведут игру. Кирилл изучал меня через документы и интуицию. Макс — через кофе и тихие предупреждения. Оба двигались ко мне с разных сторон, не зная друг о друге. Или зная, и именно поэтому каждый торопился чуть больше, чем следовало.

Я подумала о записи в наушниках. О голосе Кирилла — задумчивом и тихом. О паузах в словах Макса, которая длилась на секунду дольше, чем нужно. Трещина между ними была ещё тонкой, почти незаметной, но я знала, как это работает. Здесь нужна не сила, нужно только время.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Пропуск в сумке. Жучок в кабинете. Двое мужчин, которые уже думают обо мне больше, чем следует.

Всё шло по плану. Пока.

Такси свернуло в сторону Тульской. Впереди был вечер, тишина пустой квартиры и ещё несколько часов записи, которые нужно было изучить.

Воспоминания. Часть 15. Рабочая встреча

Кирилл назначил встречу на среду, на три часа дня. Сам. Не через секретаря, не через юристов, не длинным письмом на корпоративную почту, где каждое слово предварительно прошло через чужие руки и осталось лежать в переписке безликой строчкой.

Сообщение пришло на телефон, номер которого я оставила при подписании договора. ***«Среда, 15:00. Мой кабинет. К. Ш.»***

Я прочитала его один раз, потом второй и только после этого положила телефон экраном вниз на диван.

К. Ш. — всего две буквы. Всего две чёртовы буквы, от которых внутри вдруг что-то оборвалось и улетело в бездну, словно в давно заколоченном доме распахнулась от сквозняка дверь. Он всегда так подписывался.

Пять лет назад, в другой моей жизни, на экране появлялись такие же короткие сообщения.

«Жду. К. Ш.», «Задержусь. К. Ш.», «Буду через час. К. Ш.»

Даже когда мы уже были настолько близки, что я могла безошибочно узнать запах его кожи и то, какую рубашку он выберет утром, он всё равно ставил эти две буквы, словно, не меня или окружающих, а самого себя, так как боялся однажды забыть, кто он такой.

Я поднялась и прошла на кухню, прошла слишком быстро и поняла это только возле мойки, когда открыла кран. Налила воды, выпила залпом половину стакана, глядя на стену над обеденным столом.

Смешно. Я пережила кучу всего. Пять лет под крылом у Халида. Чужую страну, обучение, после которого прежняя Арина осталась где-то так далеко, что порой я забывала о ее существовании. Я научилась смотреть людям в глаза и лгать так, чтобы они сами помогали мне достраивать эту ложь. Я научилась быть женщиной, которую невозможно застать врасплох.

И теперь меня выбили из равновесия две буквы.

Я поставила стакан на столешницу чуть резче, чем собиралась.

— Перебьёшься, Кир, — сказала я тихо и сжала зубы.

Телефон так и лежал экраном вниз в комнате. Я не притронулась к нему ещё минут десять.

На рефлексию будет время потом, а сейчас нужно было готовиться.

***

В среду я приехала без десяти три. Пропуск сработал мгновенно. Турникет коротко пискнул и раскрылся передо мной с почти издевательским гостеприимством, словно я принадлежала этому месту и последние пять лет просто немного задерживалась.

Я вошла в лифт, чтобы подняться на нужный этаж. В зеркальной стене отразилась Анна Власова. Светлая блузка. Тёмная юбка-карандаш, идеально сидевшая на бёдрах — строго и невозможно сексуально. Волосы собраны в тугой пучок, из которого я намеренно выпустила одну тонкую прядь. Минимум украшений. И самое главное — абсолютно спокойное лицо. В этой женщине не осталось ничего от Арины.

Я посмотрела своему отражению в глаза и прошептала одними губами.

— Работай, детка. Ты сможешь.

Двери разъехались. Алина — миловидная барышня за стойкой ресепшн уже узнала меня и улыбнулась:

— Добрый день, Анна.

— Добрый.

У двери кабинета Кирилла я остановилась лишь затем, чтобы поправить юбку и убрать за ухо выбившуюся прядь. Прислушалась к себе. Внутри было на удивление тихо. Ни страха,

ни злости, ни той предательской дрожи, которую я ожидала почувствовать, оставшись с ним один на один.

Это хорошо.

Я знала этого мужчину. Знала, как он думает, как смотрит, как соблазняет, как лжёт. Знала его привычки, слабости, любимые приёмы. Что могло пойти не так?

Я постучала уверенным коротким движением, достаточно громким для того, чтобы он услышал.

— Войдите.

Кирилл сидел за столом, склонившись к ноутбуку. По привычке он поднял голову только после того, как дверь за мной закрылась. Он всегда так делал.

— Анна, приветствую.

Шахов встал, коротко, без лишних церемоний, указал на кресло напротив.

— Присаживайтесь.

— Спасибо. — поблагодарила я.

Я заняла уже знакомое место, поставив сумку у ног, и достала папку.

— Макса не будет? — спросила небрежно, раскрывая документы.

— Сегодня нет, нам предстоит обсуждать скучные детали. Не хочу его мучить. — улыбнулся Кирилл очаровательно.

— Гуманно. — позволила я едва заметную усмешку, такую, чтобы он понял, что его юмор оценен. Никакого хлопанья ресницами и кокетливых взглядов.

Мы начали с договора. Кирилл открыл свою папку, и я сразу увидела пометки на полях — готовился. Мелкий, чуть наклонённый вправо почерк. Я вспомнила его раньше, чем успела себе запретить.

Проклятье. Кто бы мог подумать, что почву из-под ног могут выбить не слова, не прикосновения, а банальный почерк, который ты помнишь многие годы, хотя так старалась забыть.

Когда-то он оставлял мне записки таким же почерком.

«Уехал раньше. Завтрак на кухне», «Позвони мне» и «Не жди, много работы».

Я заставила себя посмотреть туда, куда указывал его палец.

— Здесь, — сказал Кирилл, — меня не устраивает формулировка по срокам отчётности. Юристы согласовали, но я хочу услышать вашу позицию.

Я прищурилась, вглядываясь в печатные строчки. Сейчас я была почти уверена — он высосал повод из пальца. Эту формулировку юристы могли изменить за пятнадцать минут, обменявшись двумя письмами по почте, даже без предварительного созвона. Он намеренно зацепился за формулировку, потому что ему нужна была я.

Хорошо, значит, пока всё шло по плану.

— Квартальная отчётность — стандарт фонда, — ответила я, проведя ногтем вдоль строки. — Но, если вам необходим ежемесячный мониторинг, мы можем предоставлять промежуточные сводки без изменения юридических обязательств.

— Так можно?

Я подняла на него глаза.

— Всё можно, если обе стороны заинтересованы и понимают, зачем им это нужно.

Его взгляд неуловимо изменился. Чужой человек, возможно, ничего бы не заметил, но не я. Кирилл любил двойное дно, особенно если подозревал, что нашёл его первым.

— Хорошо, — произнёс он после паузы. — Договорились.

Мы проработали ещё около сорока минут. После я долго анализировала ту встречу и дошла до простого вывода: мне снова стало интересно. Это было неприятное открытие.

Кирилл задавал точные вопросы, не разбрасываясь словами, цеплялся за слабые места, как умел только он, быстро считал, иногда спорил. Если мой аргумент оказывался сильнее, он

не давил авторитетом, а откидывался в кресле и несколько секунд молча смотрел на цифры, признавая поражение только тогда, когда действительно убеждался в нём.

Я помнила это. Помнила, как когда-то могла часами слушать, как он рассуждает, потому что его ум действовал на меня сильнее дорогих ресторанов, машин и всей той красивой шелухи, которой он умел окружать женщин. И сейчас, пусть всего на секунду, я поймала себя на том же. Мне было интересно. Этого хватило, чтобы разозлиться на себя.

Я опустила глаза в бумаги, пытаясь прийти в себя. Нет, того Кирилла, которого когда-то любила Арина, больше не существовало. А если существовал, тем хуже для него, потому что именно этот умный, обаятельный, внимательный мужчина всегда прекрасно понимал, что делает.

— Анна?

Я подняла голову.

— Простите?

Он смотрел внимательно.

— Вы на секунду выпали из разговора.

Чёрт.

— Я считала.

— И что же вы считали? — снова задал вопрос Шахов.

— Насколько дорого вам обойдутся ваши требования к отчётности.

Он негромко рассмеялся.

— И?

— Пока можете себе позволить. — пошутила я.

— Успокоили.

Я улыбнулась вместе с ним, параллельно ища внутри себя опору. Помни о предательстве. Ты просто на работе, а он — объект. Через секунду внутри всё уже снова было ледяным и спокойным. Вот так, девочка, не отвлекайся.

Воспоминания. Часть 16. Совсем немного личного

Когда мы закончили, Кирилл закрыл папку и открыл ящик стола. Достал пульт и щёлкнул кнопкой. Жалюзи, отделяющие нас от многомиллионного мегаполиса, поползли вниз, разрезая послеполуденное солнце на тонкие полосы.

Я едва не задержала дыхание. Он всегда так делал, всегда, когда предпочитал закончить работу и начать разговор. Этим движением он будто отделял внешний мир от пространства, в котором собирался уединиться.

— Кофе? — предложил Шахов.

— Нет, спасибо.

Кирилл поднялся и не спеша подошёл к кофемашине. Я вспомнила еще одну маленькую деталь — он никогда не торопился, особенно с женщинами, ведь он мог позволить себе это удовольствие — наблюдать, как ожидание делает половину работы за него.

Машина тихо загудела, и густой, ароматный напиток потёк в чашку.

— Вы давно в Москве? — спросил он, не оборачиваясь.

Началось. Я устроилась удобнее.

— Несколько недель.

— Живёте здесь или приехали под проект?

— Под проект, — кивнула я, — снимаю квартиру.

Он повернулся. Чашка в руке, расслабленная поза, расстёгнутая верхняя пуговица ворота рубашки. Всё настолько естественно, и так знакомо.

— Одна? -сделал хищник второй шаг.

Я позволила себе маленькую паузу — не слишком долгую, но достаточную, чтобы Анна Власова успела решить, хочет ли отвечать.

— Одна.

Он отпил кофе.

— Москва нравится?

— Иногда да.

— Вот, как. — Шахов ждал пояснений.

— Это город, который слишком старается понравиться. — ответила я, потому что, и правда, так думала.

Кир усмехнулся.

— Интересная формулировка.

— Зато честная.

— Вы бывали здесь раньше?

Я посмотрела прямо ему в глаза.

— Бывала.

— По работе?

— По разным поводам.

Теперь уже он улыбнулся открыто.

— Вы умеете отвечать так, что собеседник только потом замечает, что ответа на его вопрос и не было.

— Это называется дипломатией.

— Нет, дипломаты говорят много и ничего конкретного не сообщают. Вы же говорите мало, а вот сообщаете ровно столько, сколько сами решили.

Опасный ты всё-таки мужчина, Кирилл Шахов. Я почувствовала, как где-то внутри натянулась струна. Вот этого мне и следовало бояться. Он всегда видел чуть дальше, чем думала жертва. Когда-то мне казалось, что именно поэтому рядом с ним можно ничего не объяснять.

Теперь же я знала: человек, умеющий тебя видеть насквозь, получает прекрасную возможность однажды ударить именно туда, где болит сильнее всего.

— Вы очень внимательны, — сказала я.

— В моём деле иначе нельзя. — Кирилл вернулся к столу и сел напротив.

— Расскажите о себе, Анна.

— Что именно? -пожала я плечами.

— Что-нибудь, чего нет в вашем резюме.

— Зачем вам это? — я спросила прямо, не пытаясь играть.

Кирилл тоже не отвёл взгляда.

— Мне интересно.

Я намеренно медленно улыбнулась.

— А я не очень интересный человек вне работы.

— Не верю. — Кирилл подпер рукой подбородок и с интересом изучал меня.

— Почему?

— Неинтересные люди так не держатся.

— Как же? — я рассмеялась почти по-настоящему.

Он помолчал, продолжая разглядывать меня.

— Будто им совершенно всё равно, какое впечатление они производят. При этом они точно знают, какое произведут.

На этот раз я не улыбнулась, потому что он оказался слишком близок к тому, что я из себя представляла теперь. Кирилл не мог узнать Арину. Я понимала это головой. Пять лет, другая внешность, другое имя, другая женщина перед ним, но тело оказалось глупее разума. Оно дало реакцию, которую Шахов мог считать. На несколько секунд мне почудилось, что он смотрит мне прямо в душу, сквозь все наносное, сквозь старательно созданный образ и видит меня истинную.

— У вас есть семья? — спросил он, сам разрушая очарование момента.

Я моргнула, наваждение улетучилось. Теперь осторожно, девочка.

— Здесь — нет.

— Никого?

— Моя семья не в Москве. Они живут далеко.

Рассказывая об этом, я наблюдала за Шаховым особенно внимательно. Но на его лице не промелькнуло ни тени, ни узнавания. Для Кирилла это была просто информация о незнакомой, но интересующей его женщины.

Он кивнул, не спрашивая подробностей. Он не полез дальше. И я почти была ему за это благодарна.

— А вы? — спросила я. — Давно занимаетесь бизнесом?

Кирилл улыбнулся.

— Достаточно много лет.

Я чуть приподняла бровь.

— Звучит знакомо.

— Я быстро учусь.

— Скромность тоже входит в перечень ваших достоинств?

— Нет, на ней обычно плохо зарабатывают.

Я рассмеялась и тут же пожалела, потому что смех получился настоящим. Кирилл замер всего на мгновение, а потом посмотрел на меня иначе, не как на малоизвестного партнёра, а как мужчина. Я почувствовала это почти физически и в ту же секунду испытала двоякое чувство. С одной стороны, я ровно этого и добивалась. С другой — впервые за весь разговор мне действительно стало не по себе.

— Анна.

— Да?

— Я хочу предложить вам продолжить наше общение в менее официальной обстановке.

Я молчала, давая ему договорить.

— Ужин в эту пятницу. Без папок, юристов и подсчета процентов. Расценивайте это, как возможность лучше узнать человека, с которым собираетесь работать.

Я едва не усмехнулась. *Человека, с которым собираетесь работать.* Господи, Кирилл. Пять лет прошло, а ты даже формулировки не сменил. Он всегда умел предлагать личное так, чтобы в любой момент можно было отступить и заявить, что женщина всё неправильно поняла. Когда-то я считала это деликатностью, пока на собственной шкуре не узнала механизм этого метода.

— Когда вам удобно? — спросила я.

А вот этого он не ожидал. Совсем чуть-чуть приподнялись брови. Он привык рассчитывать на другое — на взволнованную паузу, на лёгкое женское смущение, на ту маленькую игру в отступление, после которой согласие кажется мужчине победой. Я сама так вела себя когда-то, когда была Ариной. Но сегодня я лишила его этого удовольствия.

— В пятницу.

— Я имею в виду, во сколько?

В его глазах мелькнул азарт. Кажется, на ходу он принимал новые правила игры.

— В восемь, я пришлю вам адрес.

— Хорошо. — я убрала документы в папку и встала.

Кирилл поднялся одновременно со мной. Он по-прежнему соблюдал этикет с почти религиозным рвением. Можно было предать женщину, разрушить ей жизнь, загулять от жены, но, Боже упаси, остаться сидеть, когда дама поднялась со стула. Эта мысль была настолько злой, что мне стало легче.

Мы пожали друг другу руки. Его пальцы сомкнулись вокруг моих на долю секунды дольше необходимого. Я посмотрела вниз, на наши руки, потом на него. Он понял, но не отпустил сразу, присвоил себе еще одну секунду контакта. Но потом все же разжал пальцы.

— До пятницы, Анна.

— До пятницы, Кирилл. — ответила я ему в тон, развернулась и вышла.

До лифта я дошла спокойно, не оглядываясь и не ускоряя шага. Попрощалась с Алиной, дождалась лифта и вошла внутрь. И только, когда двери плавно закрылись, я смогла медленно выдохнуть. Так, словно последние сорок минут не дышала, а задерживала воздух в лёгких.

Усмехнулась — ужин, ну, конечно. Я прислонилась затылком к холодной зеркальной стене и закрыла глаза.

Я знала этот сценарий. Дорогой ресторан, стол не в центре зала, а где-то в укромном уголке. Вино, выбранное им самим. Разговор, который сначала будет касаться бизнеса, потом книг, путешествий, каких-нибудь случайных вещей, а после незаметно свернёт туда, куда ему нужно. Он непременно будет слушать. Это Кирилл умел особенно хорошо. Не изображать интерес, ожидая возможности заговорить самому, а действительно слушать — внимательно, жадно, будто женщина напротив была единственным человеком в мире.

Когда-то именно на этом я и попалась. Любовница, которую интересовали не деньги, не дорогие подарки, и даже не его презентабельная внешность. Я попалась на крючок иллюзии собственной исключительности. Я считала себя единственной, самой важной для Кирилла Шахова.

Пятница. Там будет первое настоящее сближение. Я достала телефон и написала Халиду коротко:

«Он пригласил меня на ужин в пятницу».

Посмотрела на сообщение и добавила:

«Сам».

Ответ пришёл, когда я уже спустилась на уровень третьего этажа. Мой работодатель писал:

«*Ожидаемо. Но не путай то, что помнишь о нём, с тем, кто он сейчас*».

Я перечитала и усмехнулась. Опасность заключалась совсем не в этом. Я прекрасно знала, кто такой Кирилл Шахов. Гораздо хуже было то, что временами я всё ещё слишком хорошо помнила, кем он был для меня тогда.

Наверху, в своем кабинете за опущенными жалюзи, Кирилл Шахов наверняка считал, что только что сделал первый шаг. Пусть. Мужчины вроде него особенно легко идут туда, куда им нужно, если уверены, что дорогу они выбрали сами. А я собиралась сделать всё, чтобы он не усомнился в этом до самого финала.

Я открыла глаза. И посмотрела на свое отражение в зеркале.

— Второй раз не получится, — сказала я той, кто смотрел мне сейчас в глаза.

Воспоминания. Часть 17. Еще одна переменная

Максим Петров стоял возле лифтов в холле. Он опирался плечом о стену и листал что-то в телефоне, изображая человека, который оказался здесь совершенно случайно. Изображал неплохо.

Я вышла из блестящих хромированных дверей и остановилась, глядя на него.

— Закончили? — спросил он, не поднимая головы.

— Как видите.

— Успешно?

— А вас интересует инвестиционный проект?

Теперь он посмотрел на меня.

— Меня много чего интересует.

— Это профессиональное?

— В основном.

Двери лифта в очередной раз разъехались. Из кабины вышла очередная порция офисных клерков. Макс сунул телефон в карман и равнодушно посмотрел на светящиеся цифры над дверями лифта, где рандомно загорались разные цифры.

— Кофе хотите?

Я повернула голову.

— Только что отказалась от одного.

— Значит, судьба берегла вас для кофе со мной.

Я усмехнулась.

— Уверенно.

— Я вообще оптимист.

— Начальник службы безопасности и вдруг оптимист?

— Именно поэтому. Если всё время думать о плохом, сойдёшь с ума.

Лифт унесся куда-то наверх.

— Так что? — спросил он, пропуская новую партию пассажиров. — Кофе?

Я посмотрела на него. Мне не хотелось кофе, зато очень хотелось понять, зачем он меня приглашает.

— Хорошо.

— Вот и славно.

Кофейня притаилась через дорогу от бизнес-центра, в глубине первого этажа старого дома. Маленькая, тёплая, со свежей выпечкой, корицей в зоне выдачи и ароматом обжаренных зёрен, который плыл по помещению. За окнами дышала Москва — машины, люди, мокрый асфальт, редкие зонты, хотя дождь почти закончился.

Макс выбрал столик в углу. Я усмехнулась про себя — разумеется. И сел он, разумеется, спиной к стене. Я отметила это автоматически, как повадки классического сотрудника СБ, и села напротив.

— Американо? — спросил он.

Я посмотрела на него внимательнее:

— Почему вы так решили?

— На первой встрече вы пили американо.

Вот как!

— Хорошая память. — сделала я комплимент.

— Работа такая.

Он заказал два кофе и откинулся на спинку стула. В офисе Максим казался проще. Здесь, без стеклянных перегородок, сотрудников и Кирилла поблизости, простота куда-то исчезла.

Передо мной сидел мужчина лет сорока, может, чуть старше, с лицом человека, привыкшего смотреть дольше, чем комфортно собеседнику. Я знала этот тип. Халид учил меня обращать внимание именно на таких — фиксировать и никогда не недооценивать.

— Итак? — спросила я.

— Что? — с фальшивым удивлением сказал Петров. Играл он отвратительно.

— Вы позвали меня не ради кофе.

— Почему?

— Потому, что кофе вы могли выпить один.

— В вашей компании сделать перерыв гораздо приятнее.

Я картинно закатила глаза.

— Уже лучше.

Он рассмеялся, поняв, что я не повелась на шаблонный заезженный подкат.

— Вы всегда такая?

— Какая? — я чуть склонила голову.

— Неудобная.

— Только, если человек пытается сделать вид, что разговор случайный.

Официантка принесла чашки с кофе. Макс дождался, пока она отойдёт, положил сахар в свой напиток и медленно размешал.

— Хорошо, давайте начистоту. Как давно вы работаете с фондом?

Я подвинула чашку к себе ближе, но пить не стала. Вот теперь всё встало на свои места.

— Достаточно давно. — ответила обтекаемо.

— Это сколько?

— А насколько подробный ответ вам нужен?

— Мне нужен правдивый.

— Тогда задавайте вопросы точнее.

Макс перестал размешивать кофе. Посмотрел в мои глаза и впервые за всё время мне показалось, что ему действительно интересно. И интерес этот происходил не из симпатии к хорошенькой женщине. Он возникал тогда, когда перед человеком внезапно обнаружилась закрытая дверь.

— Вы ведь понимаете, чем я занимаюсь? — спросил он.

— Обеспечиваете безопасность Кирилла.

— В том числе.

— Следовательно, проверяете людей, которые появляются рядом с ним. — продолжила я спокойно.

— Иногда.

— И меня вы тоже проверяли.

Он снова сделал глоток кофе.

— Вас это задевает?

— А должно?

— Ну, большинство людей обижаются, узнав, что я копаюсь в их исподнем.

— Большинство людей почему-то считают себя интереснее, чем они есть. — с каплей сарказма ответила я.

Уголок его рта дрогнул.

— А вы?

— Я — не большинство.

— Это я уже понял. — Макс пригладил ребром ладони сложенную перед тем салфетку.

Мы посмотрели друг на друга. Наконец в этой беседе появилась интрига.

— И что же вы нашли, смею узнать? — спросила я.

— Почему вы решили, что непременно что-то нашёл?

— Потому что иначе не позвали бы меня на кофе.

Макс покрутил чашку между ладонями.

— Фонд существует.

— Уже неплохо.

— Работает он давно.

— Представьте себе, — снова съязвила я.

— Проекты реальные, партнёры тоже. Деньги проходят там, где должны проходить.

— Вы меня успокаиваете? —усмехнулась я.

— Нет, что вы.

— Тогда что вас не устраивает? — голос мой снова стал холодным.

Он замолчал. За окном проехал синий электробус, на секунду закрыв собой бизнес-центр напротив. Когда он умчался, стеклянная башня снова выросла в сером апрельском воздухе. Макс посмотрел туда, в сторону своего офиса.

— Всё слишком чисто.

Вот оно — он не нашел фактов, не имел доказательств и опирался лишь на ощущение. Что ж, я по опыту знала, что ощущения хороших безопасников иногда стоят дороже распечаток из десятка баз данных.

— Простите? — спросила я, делая вид, будто не понимаю, о чем он говорит.

— Обычно, когда начинаешь копать человека, находишь мусор. Ничего криминального, просто жизнь. Старые телефоны, долги, штрафы. Бывшие работодатели, которые ненавидят бывших сотрудников. Фотографии, о которых человек предпочёл бы забыть. Глупые комментарии десятилетней давности. Люди оставляют следы, Анна.

— А я не оставляю? — прищурилась я.

— Оставляете, — он посмотрел на меня внимательнее, — но правильные.

В желудке неожиданно похолодело. Ровно настолько, чтобы я поняла: Халид не зря упоминал Макса отдельно, но на моем лице ничего не изменилось.

Я наконец отпила свой американо.

— Возможно, я просто скучно живу.

— Возможно.

— Или ваш отдел безопасности не так хорош, как вы думаете.

Макс улыбнулся.

— Вот за это вы мне нравитесь.

Фраза прозвучала неожиданно. Я поставила чашку.

— Уже?

— Я быстро принимаю решения.

— Плохое качество для вашей профессии. — я намеренно задержалась взглядом на его лице.

— Иногда, действительно, так. — он не отвёл глаз.

Вот теперь я видела в нём действительно мужской интерес. Он был совсем небольшим, поверх профессионального интереса, как тонкая плёнка масла на воде. Другой человек мог бы не заметить, но не я. Я заметила и запомнила. Чужая симпатия — отличный инструмент. Сколько раз выручала меня на заданиях. В свое время Халид вбивал это знание в меня годами, пока сама мысль не перестала казаться циничной. Люди охотнее показывают слабые места тем, кто им нравится. Главное, не перепутать чужую слабость со своей.

— Значит, — произнесла я, подчеркивая интонацией конец фразы, — фонд настоящий, документы настоящие, нарушений нет, но вы всё равно пригласили меня на допрос.

— Это не допрос.

— Тогда на свидание?

Он рассмеялся.

— А вы всегда оставляете собеседнику только нужные вам варианты?

— Нужные им люди обычно выбирают сами.

Макс некоторое время смотрел на меня, а потом вдруг спросил:

— Шахов вам нравится?

Я чуть приподняла брови. Вот теперь стало интересно.

— Как деловой партнёр?

— Можете ответить так.

— Тогда да. — кивнула я. — Он умный, быстрый и не боится рисковать.

— Я спрашивал не об этом.

— А я ответила именно так, как хотела.

Макс опустил глаза к чашке.

— Понятно.

— Что именно вам понятно?

— Что вы действительно умеете отвечать только на те вопросы, на которые хотите.

Я почувствовала неприятный укол узнавания. Почти теми же словами полчаса назад со мной говорил Кирилл.

— Может быть, проблема не во мне, — предположила я, — просто мужчины вокруг задают слишком много однотипных вопросов.

— Профессиональная деформация.

— У обоих?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— У Кирилла это — врождённое.

Вот впервые за весь разговор в голосе прозвучало что-то тёплое — привычка, давнее знание, дружеская насмешка. Именно так и должен был говорить человек, который несколько лет находился рядом с Шаховым, был его правой рукой.

— Вы давно знакомы? — спросила я.

— Достаточно давно.

— Хорошие друзья?

Макс помедлил.

— Это — сложный вопрос.

— Почему?

— Потому что дружба и работа плохо сочетаются.

— Но вы их смешиваете.

— Приходится.

Ответ был совершенно обычным. Настолько обычным, что я почти пропустила короткую паузу перед ним.

— А вы? — вернул мне Макс вопрос. — Часто смешиваете работу и личное?

— Никогда. — сразу же ответила я.

— Категорично.

— Зато безопасно.

Он усмехнулся.

— Вот тут я с вами согласен.

Мы допили кофе.

Макс больше не возвращался ни к фонду, ни к моей биографии. Заговорил о Москве, спросил, успела ли я привыкнуть к пробкам, потом пожаловался на апрель, который никак не решит, весна он или продолжение ноября. Несколько раз Петров рассмешил меня, и я позволила себе смеяться — ровно столько, сколько было нужно для дела.

Но всё это время я чувствовала под разговором кое-что другое. Максим Петров меня проверял. Не допрашивал, не загонял в угол, не пытался поймать на прямой лжи. Он просто смотрел на меня, задавал вопросы и запоминал то, как я отвечаю.

Когда мы вышли из кофейни, дождь давно закончился. Асфальт еще блестел, отражая окна бизнес-центра и кусок неожиданно голубого неба между домами.

— Подвезти? — предложил Макс.

— Спасибо, я пройдусь.

— Отсюда до метро далековато.

— Я люблю ходить.

— Похвально. — улыбнулся.

Я вернула ему любезную улыбку.

— До встречи, Максим.

— До встречи, Анна.

Я сделала несколько шагов.

— Анна. — обернулась я на его зов. Макс стоял возле входа в кофейню, засунув руки в карманы пальто.

— Да?

Он словно хотел что-то сказать, но передумал.

— Ничего, хорошего вечера.

— И вам.

Я пошла дальше. Только на перекрёстке достала телефон. Сообщение от Кирилла уже ждало меня. Адрес ресторана, дата и время. Я прочитала, убрала телефон и остановилась на красный свет.

Два мужчины — один пригласил меня на ужин, второй только что пытался понять, кто я такая.

Кирилл был более предсказуем. Его интерес я знала, понимала и умела направлять туда, куда мне было нужно.

С Максимом Петровым всё было сложнее. Он не нашёл ничего, и именно поэтому не успокоится.

Загорелся зелёный. Толпа вокруг двинулась через дорогу, увлекая меня за собой. Я шла вместе со всеми, чувствуя на лице влажный апрельский ветер, и думала о фразе, брошенной Петровым почти лениво — мол, всё слишком чисто.

Халид создавал Анну Власову несколько лет. Её прошлое было собрано тщательно, деталь за деталью, документ за документом, так, чтобы любой человек, решивший заглянуть поглубже, увидел обычную жизнь. Максим Петров посмотрел и увидел некую конструкцию. Пока ещё только её тень и этого было недостаточно, чтобы испугаться, но вполне хватало, чтобы запомнить его имя.

Я достала телефон и написала Халиду:

«***Петров проверяет легенду***».

Ответ пришёл почти сразу.

«***Пусть***».

Я усмехнулась. Конечно, для Халида существовало очень мало вещей, способных вызвать тревогу. Я убрала телефон в сумку и пошла дальше. В тот момент мне казалось, что Максим Петров был всего лишь ещё одной переменной, которую просто следовало учитывать. Я ошибалась, но об этом узнала значительно позже.

Воспоминания. Часть 18. Ужин

В пятницу день выдался тёплым, почти неприлично тёплым для середины апреля, и к вечеру город, ещё неделю назад серый, мокрый и раздражённый, вдруг изменился, словно женщина, которая долго не могла решить, стоит ли ей сегодня быть красивой, а потом всё-таки передумала сидеть дома и отправилась радовать своей красотой этот мир. На тротуарах появились столики первых веранд, по Садовому тянулись машины с приоткрытыми окнами, на бульварах было непривычно много людей.

Адрес Кирилл прислал накануне. Ресторан находился в центре, в старом особняке, спрятанном за тяжёлыми дверями и небольшим внутренним двориком. Я усмехнулась — разумеется. Он никогда не любил места, где приходилось перекрикивать музыку или соседний столик. Шахов выбирал рестораны так же, как костюмы, машины и людей рядом с собой: дорого, неброско и с достаточным количеством пространства вокруг. Пять лет ничего не изменили.

Я намеренно приехала на семь минут позже — ровно так, чтобы это не выглядело неуважением, но в то же время достаточно для того, чтобы он успел посмотреть на часы хотя бы один раз. Халид называл такие мелочи настройкой дистанции. Когда человек назначает встречу, он уже считает, что контролирует её начало. В такой момент полезно иногда напоминать ему, что это не так.

Пальто у меня забрали в гардеробе. Я задержалась перед зеркалом всего на несколько секунд, чтобы посмотреть, все ли в порядке с нарядом. Для ужина я выбрала чёрное платье — простое, закрытое, с длинными рукавами и неглубоким вырезом, почти целомудренное, если не считать того, как маняще мягкая ткань струилась и облегала тело. Волосы оставила распущенными. Никаких ярких украшений, только серьги и тонкая цепочка на шее.

Анна Власова не собиралась соблазнять Кирилла Шахова. Она просто точно знала, какое впечатление должна произвести. Разница в этих понятиях определенно существовала.

Кирилл сидел у окна. Увидев меня, поднялся и махнул рукой в приветственном жесте. На нём был тёмный пиджак без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Совсем небольшое отступление от привычной безупречности, которое должно было сообщать: сегодня мы не работаем. Я отметила этот посыл.

— Добрый вечер.

Его взгляд просканировал меня медленно, без суеты, задержавшись на лице.

— Добрый.

— Я опоздала. — сказала я сразу же, чтобы сообщить ему о том, что в курсе.

— На семь минут.

Я улыбнулась:

— Считали?

— Я вообще люблю точность.

— Тогда мне должно быть стыдно. — признала я, но в голосе не было ни капли вины.

— Вам? — он отодвинул для меня кресло. — Не думаю.

Я села и положила сумку рядом.

— Вы плохо меня знаете.

— Именно поэтому мы здесь. — сказал Кирилл.

Вот так, значит — без разминки и прелюдий.

Я посмотрела на него, и Кирилл улыбнулся, занимая место напротив.

— Вино?

— Можно немного.

— Красное?

Я кивнула.

Он уже выбрал, конечно. Когда официант наполнил бокалы и отошёл, я взяла свой за ножку, но пить не стала.

— Вы всегда решаете за женщину, что она будет пить?

Кирилл посмотрел на бутылку.

— Не нравится?

— Я еще не пробовала.

— Тогда в чём претензия?

— В принципе.

Он рассмеялся:

— Хорошо, в следующий раз выберете сами.

«В следующий раз» — он произнёс это так легко, словно оставалось только определить дату.

Я попробовала вино. Оно было хорошим — терпким, сухим, с долгим послевкусием.

— И? — нетерпеливо спросил Шахов, ожидая моего вердикта.

— Вы прощены.

— Всего лишь? — Кирилл приподнял в удивлении брови.

— Не люблю хвалить мужчин слишком рано.

Он посмотрел поверх своего бокала.

— Боитесь, что испортятся?

— Обычно они именно это и делают.

Несколько секунд Кирилл молчал, разглядывая меня с откровенным интересом. На работе его взгляд был другим. Там между нами всегда находился стол, документы, цифры, сотрудники за стеклянными стенами, возможность в любую секунду вернуть разговор туда, где ему полагалось находиться. Здесь ничего этого не было. Только белая скатерть, приглушённый свет и апрельская Москва за узким арочным окном старого особняка. А еще здесь присутствовало прошлое, которое сидело за столом третьим, и его Кирилл не видел, зато я — слишком хорошо.

— Вы всегда держите оборону? — спросил он.

— А я обороняюсь?

— Постоянно.

— Может быть, вам просто хочется так думать?

— Наоборот. — Шахов чуть наклонился вперёд. — Мне кажется, нападаете вы.

Я обворожительно улыбнулась.

— Тогда вам тем более стоит быть осторожнее.

— Макс примерно это и говорит.

Мои пальцы, державшие бокал за ножку, не дрогнули, но внутри всё мгновенно собралось.

— Макс?

— Петров.

— Я поняла, о каком Максе речь.

— Тогда почему спрашиваете?

— Интересно, что именно он говорит?

— Ничего конкретного. — Кирилл пожал плечами. — Работа у него такая — подозревать всех.

Я сделала небольшой глоток вина. Вот и ответ на вопрос, который занимал меня после кофе с безопасником. У меня было два версии — Макс не рассказал Кириллу о нашем разговоре подробно или Кирилл делал вид, что не рассказал. Оба варианта следовало учитывать.

— Полезный сотрудник.

— Лучший. — в голосе Шахова прозвучала уверенность человека, который даже не допускает другой возможности.

Я посмотрела на Кирилла внимательнее.

— Давно работаете вместе?

— Несколько лет.

— Доверяете ему?

— Полностью. — сказал Кирилл и в словах, реакциях и поведении его не было ни капли лжи. Так отвечают на вещи, которые давно для себя решили.

Я медленно провела пальцем по краю бокала.

— Завидую.

— Чему?

— Людям, которым вы полностью доверяете.

— Их немного.

— Тем более.

Мы еще поговорили о работе примерно полчаса. Наверное, так было проще обоим. Кирилл рассказывал о новом проекте, я задавала вопросы, спорила с его прогнозами, несколько раз заставила его открыть телефон и проверить цифры, потому что была уверена, что он ошибается. Один раз ошиблась я. Два — он.

— Два — один, — сказала я, — в мою пользу.

— Мы считаем? — прищурился Шахов и в глазах его мелькнул азарт.

— Теперь да.

— Тогда я еще наверстаю, до конца вечера далеко.

— Надеетесь отыграться?

— Я привык выигрывать.

Я посмотрела ему прямо в глаза:

— Плохая привычка.

— Это почему же?

— Рано или поздно начинаешь считать поражение невозможным.

— А вы часто проигрываете?

— Достаточно, чтобы научиться. — я поставила бокал на стол.

Он, вероятно, ждал продолжения, но его не последовало. Это был первый момент за вечер, когда я сознательно «закрыла дверь» в личное. И Кирилл почувствовал это почти мгновенно, он всегда умел чувствовать запертые двери, скелеты в шкафах, о которых не хотят говорить, но всегда старался их открыть.

— Вы были замужем? — спросил он как будто неожиданно. Наверное, это должно было меня смутить.

Я подняла глаза и ответила совершенно равнодушно.

— Нет.

— А отец дочери? — вот теперь он действительно зашёл далеко.

Конечно, было глупо считать, что он не знает. Халид оставил этот факт моей настоящей биографии, чтобы сделать Анну Власову человечнее.

Я могла уйти от ответа, но вместо этого посмотрела на мужчину напротив и сказала:

— Он не участвует в нашей жизни.

— Совсем?

— Совсем.

— Почему?

Я холодно улыбнулась.

— А вот это, Кирилл, уже не деловой ужин.

Он выдержал мой взгляд:

— Я и не говорил, что он деловой. Знаете, я всегда мечтал о дочери. У меня мальчишки, и это, скажу я вам, совсем другое дело.

Где-то за спиной Кирилла негромко звякнуло стекло. За соседним столиком засмеялась женщина. Официант прошёл между столами, не посмотрев в нашу сторону. Мир продолжал существовать, а я вдруг увидела внутренним взором другой ресторан, стол и другую себя. Дешёвое платье, которое казалось мне тогда невероятно красивым. И Кирилл, наклонившийся через стол и улыбающийся очаровательно: «*Попробуй, Арин, тебе понравится*». Я моргнула, и картинка исчезла.

— Анна?

— Да?

— Вы здесь?

— Задумалась. — ответила я и отпила глоток вина.

— О чём?

— Не скажу. — загадочно улыбнулась я, хотя на душе было неожиданно гадко.

Он усмехнулся.

— Вот это в вас и раздражает.

— Только это?

— Пока, да.

— Вечер ещё не закончился.

— Именно.

Я снова отпила из бокала. Нельзя было позволять воспоминаниям приходить вот так, не спросив и без разрешения. На этом задании память была роскошью, которую я сейчас не могла себе позволить. Рядом с Кириллом она становилась непослушной. И хотя Халид и научил меня контролировать голос, взгляд, дыхание и движения рук, научил замечать камеры, видеть слежку, различать ложь по едва заметному изменению поведения, он не научил только одному — как заставить тело забыть человека, которого оно когда-то любило. Но он бы и не смог, потому что это невозможно.

— Почему инвестиции? — спросил Кирилл, когда мы почти закончили с основным блюдом. Пустые тарелки унесли, и между нами остались только вино, бокалы и маленькая свеча в стеклянном подсвечнике.

— Почему нет? — ответила я вопросом на вопрос.

— Это — не ответ, — с намеренной обидой в голосе сказал Шахов.

— Вы сегодня решили разобрать меня на детали?

— Мне интересно.

— Это опасное качество.

— Макс сказал бы то же самое.

— Вы часто вспоминаете Макса на свиданиях? — сказала я и тут же пожалела.

Кирилл замолчал, а потом улыбнулся.

— Значит, всё-таки свидание?

Он откинулся в кресле, явно довольный.

— Я этого не говорила. — попыталась выкрутиться я.

— Нет, вы сказали. — настаивал Шахов.

— Оговорилась. — спорила я, намеренно играя.

— Я не верю в оговорки.

— А зря, Фрейд бы расстроился.

Он наконец рассмеялся, и я тоже, причем на этот раз — искренне. Вот это было хуже всего. Не его вопросы, не внимательный взгляд хищника и даже не почти случайное прикосновение, когда он, пропуская вперёд себя, едва коснулся моей спины. Хуже всего был смех,

потому что его невозможно сыграть до конца. На несколько секунд мне действительно стало легко, и я испугалась этого больше, чем Макс Петрова с его дотошным «слишком чисто».

— Вот, — сказал Кирилл, тоже оценив мой смех.

— Что?

— Наконец-то, вы перестали контролировать лицо.

Улыбка исчезла сама.

— А теперь снова начали. — подловил меня Шахов снова.

— Профессиональная привычка. — суховато ответила я.

— И какая же профессия требует настолько хорошего контроля за своими эмоциями? — вдруг шутливо спросил Кирилл.

Я почувствовала холодок по позвоночнику. Кирилл уже тянулся к бокалу, совершенно не понимая, что попал точно в цель.

— Инвестиции, — ответила я.

— Не знал, что там всё настолько страшно.

— Вы просто никогда не присутствовали на совете директоров, когда компания теряет двадцать процентов капитализации. — нашлась я.

Он улыбнулся. Я почти физически почувствовала — на этот раз опасность миновала.

Я опустила глаза в свой бокал, где на дне еще оставалось немного рубинового напитка. Макс копал мои документы. Кирилл пытался прощупать меня. Они делали это разными способами, и оба находились ближе, чем мне хотелось бы.

— У меня есть предложение, — сказал Кирилл, когда принесли кофе.

— Ещё одно?

— Вы сегодня настроены подозрительно.

— Общение с вашим начальником безопасности плохо на меня влияет.

Он усмехнулся:

— Завтра мы едем за город.

Я удивленно подняла глаза от чашки.

— Мы?

— Нина и я. Макс тоже будет.

Имя жены он произнёс совершенно спокойно. Нина. Я знала о ней всё, что Халид счёл необходимым мне знать — возраст, образование, семья. Пятнадцать лет брака, два сына. В личном деле я видела фотографии с благотворительных вечеров, официальных приёмов, отпусков. Нина была женщиной с безупречной укладкой и спокойной улыбкой, рядом с которой Кирилл выглядел именно так, как должен выглядеть респектабельный и состоятельный семейный мужчина. Я видела ее вживую лишь однажды, когда как идиотка принеслась со связкой шаров, чтобы сообщить о Ляльке. Почему-то именно сейчас я поняла, что не готовилась к этому. Я настроилась на работу с Кириллом, с его офисом, с его безопасником. Мне казалось, я была готова к прошлому и собственной боли, но не к его жене.

— И? — спросила я.

— Присоединяйтесь.

— К вам с женой? Звучит весьма странно.

— Вас что-то смущает?

— А должно?

Он посмотрел внимательно.

— Не знаю, поэтому и спрашиваю.

Я улыбнулась, потому что поняла. Это — проверка, только пока неясно, кто эту проверку придумал.

— Значит, там будет ваша супруга и Макс?

— Вообще-то это была его идея. — признался Шахов, отпивая кофе.

— Правда?

— Он считает, что партнёров полезно видеть вне переговорной.

Конечно, Макс Петров. НЕ дает ему покоя моя слишком чистая биография. Я взяла чашку в руки.

— Звучит почти как корпоративный тимбилдинг.

— Обещаю никаких падений назад в руки коллег.

— Тогда зачем ехать? — рассмеялась я. — Разве не в этом весь смысл?

— Свежий воздух, еда, природа, общение вне офиса.

— И ваш начальник безопасности, который будет наблюдать, правильно ли я держу вилку? — снова пошутила я.

Кирилл отреагировал улыбкой. Кажется, он окончательно расслабился.

— Вы ему не нравитесь.

— Странно, мне он сказал обратное.

Я произнесла это прежде, чем решила, стоит ли. Эффект оказался мгновенным. Кирилл перестал улыбаться. Всего на секунду, но мне хватило, чтобы увидеть ещё одну почти невидимую деталь. Я мысленно положила её туда же, куда складывала всё остальное, связанное с этим чертовым заданием.

— Макс много говорит, — произнёс Кирилл по-прежнему легко, но выражение его глаз изменилось.

— Тогда, наверное, не стоит принимать близко к сердцу. — сказала я равнодушно.

— Не стоит.

Мы смотрели друг на друга, и я впервые совершенно отчётливо поняла: он ревновал. Ещё не по-настоящему. Пока это был только первый укол собственничества, которому сам Кирилл наверняка не дал бы такого названия. Но он был, а значит, я шла в правильном направлении. Халид сказал бы в этой ситуации: запомни и используй. Я запомнила и обязательно намеревалась использовать.

— Так что насчёт субботы? — спросил Кирилл.

— Хорошо.

— Хорошо — подумаете?

— Хорошо, приеду.

Он облегченно улыбнулся.

— Тогда я пришлю адрес.

— Опять? — прикрыла я глаза, будто удивляясь.

— Что опять?

— Вы всё время присылаете мне адреса.

— Но вы же приезжаете.

Я посмотрела на него поверх чашки.

— Это случайность, не советую привыкать.

Он ответил не сразу. Допил кофе и только потом произнес, будто через силу:

— Поздно.

Мы вышли из ресторана почти в одиннадцать. На улице всё ещё было тепло. Влажный воздух пах асфальтом, выхлопными газами и весной, которую пока еще приходилось лишь угадывать сквозь другие запахи города. Кирилл хотел вызвать мне такси, но я отказалась.

— У меня есть приложение, я справлюсь.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Мне так спокойнее.

— А мне нет.

— Почему?

— Не люблю, когда меня контролируют.

Он посмотрел на меня обиженно.

— Я не контролирую.

— Конечно. — улыбнулась я.

— Анна, вы — невозможная женщина.

— А вы только сейчас поняли? — склонила я голову.

Машина подъехала через несколько минут. Мы стояли у входа, слишком близко друг к другу и всё-таки сохраняя ту самую дистанцию, за которой пока ещё можно было притворяться, что между нами ничего не происходит. Кирилл сунул руки в карманы своего безупречного шерстяного пальто.

— Спасибо за вечер.

— Вам спасибо.

— Я думал, вы скажете, что было терпимо.

— Не портите впечатление. — демонстративно надула я губы.

— Значит, оно всё-таки есть?

Я открыла дверь автомобиля.

— До завтра, Кирилл.

И уже собиралась сесть, когда он сказал:

— Анна.

Я обернулась. Несколько секунд он просто смотрел, потом сделал шаг ко мне, стремительно сокращая дистанцию. Он не прикоснулся, даже не попытался, но мне почему-то стало тяжелее дышать.

— Я всё время пытаюсь понять, кого вы мне напоминаете. — с едва заметной хрипотцой сказал он.

Мир на мгновение замер. Я слышала, что где-то по улице проехала машина, за спиной Кирилла открылась дверь ресторана, выпуская на улицу пару, громко обсуждавшую что-то своё. Я спокойно смотрела ему в лицо. Халид потратил годы на то, чтобы выучить этому спокойствию.

— И кого же?

Кирилл чуть нахмурился и пожал плечами.

— Не знаю.

Я улыбнулась.

— Когда вспомните, сообщите. — села в машину и закрыла дверь.

Только когда мы отъехали, я позволила себе вдохнуть глубже. В стекле отражалось моё лицо. Анна Власова — идеальная причёска, спокойный взгляд. Я достала телефон и разблокировала экран. От Халида сообщений не было, зато было новое смс от Кирилла.

«***Завтра в 13:00. Адрес пришлю утром. К.Ш.***»

Я смотрела на две последние буквы несколько секунд. На этот раз они уже не выбили меня из равновесия. Минуту назад меня чуть не подкосило другое — «Я всё время пытаюсь понять, кого вы мне напоминаете». Я погасила экран и убрала смартфон в сумочку.

Нет, Кирилл, не пытайся! Тебе совершенно не понравится ответ.

Воспоминания. Часть 19. Чужая семья

Адрес Кирилл прислал обещанным сообщением следующим утром. Я открыла смс, посмотрела на точку на карте и почти сразу закрыла, убедившись в том, что итак знала. Маршрут был мне известен ещё до того, как Шахов решил, что хочет пригласить Анну Власову в свой загородный дом.

Фотографии дома давным-давно лежали в папке Халида. Большой участок, сосны, светлый двухэтажный особняк с панорамными окнами, гостевой дом, баня, гараж на три машины. Ко всему этому традиционно добавлялась охрана на въезде в посёлок, камеры по периметру, отдельная система наблюдения внутри.

Я знала, сколько Кирилл заплатил за этот дом, знала даже имя архитектора, который его проектировал и контору, которая ему этот дом строила. А еще мне было известно, что Нина предпочитала проводить здесь лето, а сам Кирилл приезжал в основном на выходные. Я была в курсе даже того факта, что несколько лет назад Шаховы перестроили террасу, хотя по сути это вообще не имело отношения к моему делу.

Единственное, чего я не знала — какого цвета чашки под чай Нина поставит перед своими гостями. Но так ли важно это было?

Собиралась я долго. И дело не в гардеробе, потому что я давно решила, что надену в поездку. Джинсы, светлая рубашка, тонкий кашемировый джемпер, который можно было снять, если апрельское солнце окажется таким же щедрым, как обещал прогноз погоды. Волосы я оставила распущенными, макияж сделала почти незаметным. Деловая Анна Власова должна была остаться в Москве.

На дачу ехала совсем другая женщина — чуть мягче, чуть проще, та, которая умеет непринужденно сидеть на террасе с бокалом вина, смеяться над чужими шутками и не думать о том, где установлены камеры. Кстати, последнее было довольно сложно.

Я застегнула часы, посмотрела на себя в зеркало и неожиданно поймала в нем свой собственный взгляд.

— Это — всего лишь дача, — сказала отражению убедительно.

Но оно не поверило. И дело было не в самом загородном доме. Дело было в его хозяйке, которая там будет. К этой встрече я почему-то оказалась готова хуже всего.

Кирилл был целью. Петров — проблемой. Остальные люди, возникавшие вокруг операции, существовали постольку, поскольку могли помочь или помешать. С Ниной так не получалось. Наверное, потому что пять лет назад она уже присутствовала в нашем коротком романе с Шаховым. Тогда я ее ненавидела и считала помехой. Глупышка Арина думала, что, разбив чужой брак, сможет быть счастливой. Тогда я ненавидела Нину, а сейчас? Что я почувствую, увидев ее сейчас?

Кирилл прислал за мной машину. Я была в этом почти уверена и всё равно усмехнулась, увидев сообщение с незнакомого номера от водителя. Контроль за теми, кто ему интересен, Кирилл любил упаковывать в красивую заботу.

За окном автомобиля пейзаж быстро сменился. Москва закончилась, высотки уступили место коттеджным посёлкам, потом лесу, голым ещё берёзам, тёмным елям и обочинам, на которых доживал последние дни грязный снег. Это было странным — увидеть остатки зимы под соснами, ведь в городе давно позабыли о том, что снег вообще лежал на тротуарах и газонах.

Я смотрела в окно, стараясь не думать о том, что меня ждет. Честно признаться, получалось плохо. Чтобы отвлечься, я подумала о Максе. Вчера вечером, когда я уже собиралась спать, от Халида прилетело короткое сообщение:

«***Петров звонил*?»**

Тогда я набрала в ответ:

«***Нет***».

Я знала, что Максим Петров беспокоил Халида больше, чем нам обоим этого хотелось. После кофе я прокручивала наш разговор несколько раз, пытаясь понять, где именно допустила ошибку, но так и не нашла тонкое место. Это раздражало сильнее, чем если бы я его нашла и ликвидировала. Петров ни разу не поймал меня на несоответствии. В нашей легенде не было провала. Ему просто не нравилось, что всё сходится. Такие люди были опаснее тех, кому требовались доказательства.

Что ж, сегодня Максим Петров будет рядом несколько часов, и это отлично, значит, посмотрим друг на друга ещё раз.

Ворота открылись ровно в тот момент, когда машина остановилась у высокого забора. Дом неожиданно оказался меньше, чем выглядел на фотографиях. На снимках из досье он казался безупречной декорацией к чужому благополучию — дерево, камень, стекло, дорогая садовая мебель, тщательно продуманный ландшафт. В реальности же возле крыльца стоял подростковый велосипед. На перилах висела куртка, а у одной из ступенек валялся футбольный мяч, испачканный землёй.

И всё это почему-то подействовало сильнее самого дома. Я вышла из машины и прошла по гравийной дорожке ко входу.

Дверь открылась, но на крыльцо встречать меня вышел не Кирилл.

— Анна? — Нина Шахова улыбнулась и спустилась мне навстречу.

Я видела её десятки раз на фотографиях, на снимках в соцсетях на светских мероприятиях рядом с Кириллом, на старых кадрах, найденных людьми Халида. Видела на семейных фотографиях, где сыновья становились год от года выше, а Кирилл — седее у висков. Но вживую я видела Нину лишь однажды.

Она оказалась красивой женщиной, и красота ее была не той хищной, безупречной, которая заставляет оборачиваться на улице, а спокойной, дорогой, ухоженной. Светлые блестящие волосы, маскирующие седину, минимум косметики, джинсы, мягкий серый свитер. В досье было написано, что ей сорок два, в жизни возраст не имел значения. Гораздо большее значение имело то, что у нее были живые и теплые серые глаза.

Вот этого в папке Халида не было.

— Нина, — представилась она, хотя я прекрасно знала, кто передо мной. — Наконец-то. Проходите, Кирилл с Максимом воюют с мангалом.

— Вдвоём? — с удивлением сказала я так, чтобы Нина почувствовала мой несколько насмешливый тон.

— Именно поэтому я не вмешиваюсь. Мужчины должны иногда сталкиваться с задачами, которые невозможно решить звонком помощнику.

Я рассмеялась, и неожиданно это получилось очень искренне.

— Тогда не будем им мешать.

— Вот, и я так решила. — кивнула хозяйка, взяла меня под локоть совершенно естественным жестом и повела в дом.

Отчего-то мне стало не по себе. Нина не нарушила моих границ своим прикосновением. Просто именно в этот момент я почувствовала совершенно отчётливо всю абсурдность происходящего. Жена Кирилла Шахова вела к себе на кухню женщину, которая приехала разрушить жизнь ее и ее мужа.

— Чай? Кофе? — предложила мне Нина.

— Чай, если можно. — быстро соображая, ответила я.

Главное, не залипать в рефлексии.

— Чёрный?

— Да. — кивнула я и тепло улыбнулась.

— Наконец нормальный человек. В Москве все помешались на кофе.

Нина достала чашки из буфета. Они были обычные — керамические, разных цветов, со смешными рисунками. Моя оказалась тёмно-синей с золотистыми разводами, похожими на пляжный песок.

Вот и всё. Просто тёмно-синяя чашка, тяжеленькая, гладкая и с удобной ручкой. Совершенно бесполезная информация, которую никто не включил бы в досье в виду ненадобности. Я обхватила её ладонями и вдохнула аромат напитка.

За панорамными дверями кухни, на которой мы расположились, была видна терраса. Кирилл стоял возле мангала, что-то доказывая Максу. Тот держал в руке щипцы и не соглашался. Я не слышала слов, но крепко сжатая челюсть безопасника, и по совместительству друга, выдавала его с головой.

В какой-то момент Петров заметил меня за стеклом и поднял руку в приветствии. Я кивнула, опуская синюю кружку на столешницу острова, за которым на полу барных стульях мы с Ниной сидели.

Кирилл проследил за его взглядом, и тоже увидел меня. Даже через стекло я почувствовала, как изменилось его лицо. Это был совсем мимолетный жест, но и он был достаточен, чтобы понять все правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.